

Анастасия Вихарева
Выжить и вернуться

16+

Анастасия Вихарева
Выжить и вернуться

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Вихарева А.

Выжить и вернуться / А. Вихарева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07620-4

В книге вы не найдете сахарной любви, только суровая и жестокая реальность бытия девяностых и восьмидесятых лет. Пророчество, убитое дитя, выброшенное, как кусок мяса, в чужой мир. Выжить и вернуться, чтобы спасти тех, кто убивал. Но прежде – выжить. Выжить любой ценой в чужом и враждебном мире, когда тебя преследует Голлем, созданный магами, чтобы закрыть память, закрыть дорогу в свой мир, лишить самых дорогих людей. Взросление героя, борьба за выживание в чужом социуме, преодоление судьбы.

ISBN 978-5-532-07620-4

© Вихарева А., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	36
Глава 10	41
Глава 11	50
Глава 12	57
Глава 13	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава 1

– Возьмете? – мужчина, высокий, худой, в мятой джинсовой куртке, заискивающе взглянул в лицо редактора.

– Нет, – голос прозвучал твердо и лениво. – Мы прочитали вашу рукопись. Вы знаете, не подошла. Тема не наша. В следующий раз посылайте электронной почтой.

– Я посылал, – мужчина сник, не решаясь взять рукопись со стола, словно не верил, что ее забраковали. – Вы рецензии читали? Но почему же?

– Это не критики, молодой человек, это люди далекие от литературы! Вы обещали, что я не смогу оторваться, но поверьте, я заснул на первой странице...

– И где? – изумленно воскликнул мужчина, заметив во взгляде лед и отстраненность, словно редактор смотрел на него из другого мира.

– Не знаю, не помню... Молодой человек! – наконец, не выдержал редактор, упираясь обеими руками в стол и приподнимаясь в кресле. – Мы не берем рукописи, их у нас тысячи... Мы не можем рисковать, у издательства нет на это средств! Если хотите, можем напечатать за ваш счет.

Сникший человек оглянулся.

Никаких рукописей он не увидел. В углу, у окна, свалены три коробки запечатанных визиток. Упаковка баннеров в разорванной бумаге, через которую просматривался конец телефонного номера из двух цифр. На полке пустого шкафа пылилось штук десять детских книжек. Такое ощущение, что он не в редакции, а в офисе не работающей с бумагами организации. Не похоже, что редактору не спалось и не елось в поисках таланта, который прогремел бы на всю землю-матушку, озолотив и себя, и редакцию.

М-да, спрос на книги упал, одна редакция разорялась за другой.

– Строение атома... рождение жизни... история земли и человечества, – разозлился мужчина. – Все это появилось на сайте еще год назад! Все кричали, все советовали засунуть свои рассуждения куда подальше! А спустя полгода англичанину поклоны бьете... За те же мысли! Ах, новое, ах, умница... Да где же умница? Только я в России живу... – голос Игоря задрожал, сорвавшись на грубый тон. – Чем моя книга раздражает вас на этот раз?

– Если на вас будет спрос, то мы конечно, обязательно... – ленивым голосом произнес редактор, многозначительно взглянув на дверь. – Я не знаю, как свою книгу напечатать!

– Но... как же я... Я так долго ее писал!

– Попробуйте найти спонсора, – сухо посоветовал редактор. – Извините, но вы мешаете работать. Я поговорил бы, но в другой раз!

Игорь расстроился. Биться головой об стену – никакая голова не выдержит. Нет имени, нет внимания. Либо ложись в постель к меценату – а как, если ты мужик, а не баба? Либо... Даже монстры советовали: издай сам, пойдет, будут издавать издатели. Он зло сплюнул в сердцах. Надо ехать в Москву, обивать пороги – а где деньги взять? Эх, было бы здоровье! Нет, с виду, конечно, мужик крепкий, а внутри...

Зато как поумнел!

А все потому, что вышел в люди. Фирму открыл. На жену, все так делали. Машину купил. Не забавы ради, для дела. Квартиру в городе, коттедж в пригороде – все как у людей.

И попал в аварию...

Собрали по кускам, полгода лежал в гипсе. Врачи поставили диагноз – не жилец, приговорили к инвалидному креслу. А когда пришел в себя, фирмы нет и не женат уже, из квартиры выписан, сын не его, новый папаша объявился, оформленные на него кредиты, обросли процентами, и за лечение выставили такие счета, словно он теперь из золота.

А тут еще мать в одно лето скончалась...

Бросила все и приехала, остановившись в коммунальной квартире двоюродной сестры. Комнату когда-то давно, еще в доперестроечное время, он купил для сестры, так что теперь она как будто принадлежала ему. Сестра уехала за границу, вышла замуж – и не откликнулась, узнав об инвалидности.

Когда нагрянули приставы описывать имущество, мать свалилась с сердечным приступом.

Спасибо соседям похоронили...

Говорят, не дается человеку больше, чем может вытерпеть. Да как же не дается? Дается! Только кто поднять не смог, уже не скажет!

Но переселил себя. По сети Интернета всегда можно черкнуть пару строк – и ответят, каждый поделится рад. Человеком себя почувствовал. Но так было лишь до того времени, пока не забанили раз пять или шесть. Желающих слушать о живом и болящем оказалось немного.

А точнее, ни одного.

И снова боль.

Хуже, когда выходил из Интернета.

Вот она жизнь... И не убежишь от нее.

Но два или три раза дожали. В общем, вышел на спиритический сайт. Есть такой. Несколько постоянных участников разделились на два лагеря. Первый – «духи – мы после смерти», второй – «Дух мозга парит». С этого-то все и началось. Ни тем, ни другим не поверил, но решил, чем спорить, попробует сам. Делать-то все равно нечего, а тут про мать вспомнил, и обида, когда виновных как бы нет.

А если есть? Если кто-то выбирает, кому и сколько?

С одной стороны, выжил в такой каше, в которую превратились сразу несколько иномарок. И не он один. Пострадали еще четверо, которые ехали в джипе и затормозили вторыми, увидев стену огня: огонь двигался с немыслимой скоростью, словно сошел с неба. За джипом двигался он. А дальше произошло невероятное. Когда пришли в себя, водители и пассажиры десяти машин валялись на земле, пять иномарок столкнулись, пять разъехались кто куда, большей частью улетев в кювет. А один потом доказывал, будто на ноге у него была шина.

И опаленные огнем деревья – голые, черные, мрачные. А после вдруг разразился ливень, будто обрушилось море. Огромные молнии били рядом, вырывая комья земли и оставляя воронки.

В общем, попробовал...

Получилось!

Страх перебарывал месяца три, пока учился читать по планшетке. И точно, кто-то есть, бегают игла и против букв останавливается. Иной раз и хочешь остановить, а ее как магнитом тянет. Или догадался, какое слово, а тот, с того света, раз, и по-другому скажет, будто доказывает, что существует и мыслит. И что-нибудь да новенькое подкинет.

Сначала мать вызывал. По виду она, а начнешь вопросы задавать – не она, и хоть ты тресни. Как так, поумнела после смерти? А как вопрос с подковыркой да на проверочку – ни бе, ни ме? Потом до жены дело дошло. Оказывается, не только мертвых можно вызывать. А жена об этом ни слухом, ни духом. И ничего из того, что от нее же самой услышал и увидел – она да не она!

Затянуло, и не до Интернета стало!

А спустя три месяца, после того, убедился, что все, что Дух наговорил, выдумка от первого до последнего слова – снова сюрприз! То, что наговорил, вдруг стало сбываться. У жены глаза по пять рублей – откуда знал?

Ниоткуда, подсказали... Сверху.

Значит, и об аварии знали...

Интересно, хоть сутками бы сидел. Сны начались... то в астрале, то оккультная лихо-радка, когда весь мир на ладони, то чертовщина мерещится. Поговорили о магии, сошлись на том, что не всякая магия – магия, между делом выяснили, что белая магия от черной не отличается. Вариант А: будь добр, ангел-хранитель, накажи врагов, пока я тут от тебя в пентаграмме прячусь. Вариант Б: будь послушным, демон-мститель, накажи врагов, пока я от тебя в пентаграмме прячусь. Шутки ради, предложил тому, кто разговаривал с того света, послать на чашку чая и ангела, и демона – все не так скучно.

Без задних мыслей лег спать, а возле кровати...

Огромное красное светящееся облако, размером с тумбочку, и сине-голубой трехмерный пространственный иероглиф завис...

Чуть с ума не сошел! Ни хрена себе глюки!

Тупо пялился минуты три, не моргая. Глаза закрыл, открыл – нет никого! Залез в Интернет. Точно, есть! Ни мне одному привиделось. Мыслеформа! Значит, и другим мозги парит.

Но именно сей факт и натолкнул на догадку: нет там никого, кроме шутника, который поезда с рельсов под откос пускает и перед катастрофой собирает в самолеты грешников, а еще порчу и корчи наводит. Не спит, не есть, двадцать четыре часа возле головы караулит и все про всех знает.

Вот так подружился с непонятно кем.

А еще через год в страшных муках Дух начал добывать из него болезнь...

Он же и подсказал делать записи обо всем: о чем ругались, спорили, доказывая друг другу свою правду. И как-то незаметно втянулся. Писать под диктовку оказалось легко. Главное, грамотно изложить на бумаге доведенную до ума мысль, которая льется на тебя, как вода. Что не мысль, то гения в себе открыл. И не забыть про себя. Если сиднем сидеть, животик сам собой не рассосется, перебороть лень и боль.

И чудо произошло – болезнь вдруг отступила...

А вместе с ней инвалидность.

Не бегал, но жив и на ногах.

Каждый думает, что как только инвалид встал с инвалидного кресла, он уже перестал чувствовать боль. Нет, боль осталась. Кости ног здорово ныли, особенно перед непогодой. Иногда добираясь до работы с костылем, – добросердечная соседка по коммунальной квартире пристроила в детский сад ночным сторожем. И проклинал день, когда пришел на комиссию своими ногами. На работе платили, пожалуй, даже еще меньше, чем пенсию по инвалидности.

И половину отдавал за долги.

Но тот, который умел пускать пыль в глаза, унывать не позволял.

– Я Муза всех, когда-либо существующих поэтов и писателей. Без меня никакие миллионы не помогут впечатать себя в историю! Мы с тобой книжицу за год осилили, а люди по десять лет мучают перо!

Тут бы сразу догадаться, что обретшие в уме гения, во-первых, умирали не своей смертью, а во-вторых, умирали в нищете. Гоголь, Есенин, Булгаков... Это потом весь мир гадал, как и каким местом думали, когда творили. В мире есть две правды – святая и горькая. Поперек народа с правдой-маткой нельзя ходить, у него от нее начинается изжога. А у Духа, что ни слово, то правда – над ним никто не стоит, кланяться никому не надо.

М-да, неразговорчивый попал редактор...

Игорь нехотя взял со стола рукопись, засунул ее в сумку, и не глядя на редактора вышел.

На улице было не то, что хмуро, нет, погода стояла нормальная, осенняя, но не дождливая. Туманное бабье лето. Мимо прогрохотал трамвай, куда-то спешили люди, и кто-то выжал тормоза, выскочив из машины и обругав матом. В душе было пусто и отвратительно. Стоило

ли пускать на ветер пять лет своей жизни, чтобы выйти в люди и понять, что умный гений, который все пять лет не выходил из мыслей, придираясь к каждому слову, просто посмеялся над ним?

Обидно... Столько людей рукопись успели прочитать и поставить жирную пять с плюсом!

А может, и правда, плохая?

– Ну и пусть! Твоя история только начинается... – обидно прожужжало над ухом, чуть выше головы. – А ты думал, что они раскроют объятия? Они не лучше и не хуже твоих героев!

– Не моих, твоих! – с неприязнью отозвался Игорь. – Мое тут только имя!

Он тяжело вздохнул. Пять лет назад Дух Изгнания говорил примерно то же самое, только история оказалась с плохим концом.

Почему-то все думают, если писатель, то обязательно мед и пиво текут рекой. Не текут. Сильно кушать хочется, а нечего... «Мяса бы, и побольше!» – помечтал он, заглядываясь на желтую вывеску кафе-блинной «Сковородка». Или нет, лучше блинчики с курицей и грибами, но не в этом кафе, а в блинной у автовокзала, рядом с центром «Пятница»! Только там умеют делать особую начинку!

По-настоящему мяса он не ел уже лет пять, с той самой аварии, иногда с грустью вспоминая украинское сало, буженину, колбасы и мамин борщ. Дома пусто, остался диван, стол, стул и компьютер. И долги... Хренова туча! И не только мяса, но женщин давно не было, вспомнил он, заглядевшись на двух длинноногих студенток. Подойти бы, упасть на самое дно с какой-нибудь «оторви да брось».

Сунув руки в карманы, Игорь сел под липами, провожая пешеходов завистливым взглядом. В голове, будто навеянные Злым Гением, проплывая белыми барашками, бродили воспоминания. «Перестань заниматься ерундой!.. Там такие люди... И не печатают!.. Я тебя ненавижу! Не приходи!.. Когда долг отдашь? Запомни, счетчик тикает, готовь документы на квартиру!.. У вас, Игорь, глупости на уме...»

А люди в воспоминаниях, ну как живые!

Зачем же он... С чего решил, что сможет? Сам бы писал, а то...

Ведь ни одной своей мысли!

Но стоило сесть за компьютер – и не пойми, откуда что бралось! Внезапно мир уплывал – и вот уж другой мир заставлял смеяться и плакать, и затягивал, поворачиваясь перед глазами, как прозрачный кристалл, в котором все было – все, о чем он писал. И тот, Злой Дух, живо переставлял события местами, и смеялся и плакал вместе с ним, опережая события и выставляясь отовсюду, то зверем, то мудрой царевной, то Бабой Ягой, а то самим Дьяволом или Создателем Вселенной... И так все ладно и складно, что нельзя не поверить. И он верил.

А еще верил, что все это кому-то нужно, кроме него...

Не сказать, что как-то приписывал книгу себе, скорее, рассчитывал, что секретарю тоже что-то причитается. Никто у гениев не спрашивал, кто подкинул ему мысль, авторства Музы не отбирали. Как-то само собой подразумевалось, что если диктовала, значит, выбрала достойного...

– Ты это... – мрачно позвал Игорь сильно умную голову, которая нематериально крутилась вокруг да около, пытаясь сделать из него мудрое подобие себя. – Ты больше не приходи... Мне теперь не до тебя будет, – повинился он, заметив, что откуда-то пришла боль. – Мне надо на ноги встать...

– Могу себе представить! – усмехнулся Дух. – Ты стоишь!

– Я в таком дерьме! – Игорь тяжело вздохнул, поднимаясь со скамейки. У него вдруг мелькнула мысль, что, может быть, именно Дух устроил ту аварию, чтобы заполучить его.

– Хм, когда ты сидел в инвалидном кресле, дерьма не было? Ты еще скажи, что я лишил тебя пенсии, увел жену и осчастливил любовника, подарив ему твою фирму... – укорил Дух. – Не ты первый, не ты последний ищешь уязвить меня. Тогда я Бог! – мудро заметил он.

«Не думай о нем, не думай...» – приказал себе Игорь, поклявшись избавиться от всего, что получил от Духа. И внезапно расстроился еще больше: камень поднялся вместе с ним и придавил, образуя вокруг головы вакуум. Мир как будто вынырнул навстречу, выжимая последние капли силы, которые помогали ему держаться. Внезапно он услышал, на что раньше не обращал внимания – звуки... Чужие, как металл, которым провели по стеклу – и злые. Мир повернулся на сто восемьдесят градусов.

Игорь зябко поежился, застегнув куртку. Вынул из сумки рукопись, без раздумий сунул в мусорный бак и, не оглядываясь, зашагал прочь.

Да пусть говорит, что хочет! Помог, и ладно. Дальше он как-нибудь сам...

Глава 2

Весь день болела душа, предчувствуя беду. Так всегда, стоит увидеть темный силуэт и почувствовать за тенью нечто. Это была не боязнь, просто вдруг встанет на пути дерево, утонувшее в дымке мрака, позовет на себя взгляд, качнувшись, будто наклоняясь – и заставит содрогнуться. Или шмыгнет в виде кошки через дверь прямо в дом, бросившись под ноги, хватать, а нет никого, только мороз по коже и волосы на голове шевелятся. Ну, точно, было!

А спустя неделю, в дом приходит смерть. То собака, то кошка, то родственник какой-нибудь, который поминать ее начал.

Голлем не шутил, страшная сила все еще бродила по головам и пила кровь. Или духи снова предупреждали о том, что враг где-то рядом...

На этот раз Любка решила поступить по-другому. Она не прошла мимо, выломав у дерева здоровенный сук, и хлестала его, пока деревце не осталось без листьев. Немного пожалела потом, в древности на такое дерево вешали красную или розовую ленту, ублажая духов. Говорят, вместо смерти приходила удача. Но Любка давно в приметы не верила, они у нее работали как-то криво. Тем более, никаких лент с собой не было – отродясь не носила. А пусть не помогают, если не умеют открыть чудовище. Что толку, что она увидела предупреждение? И хуже, секрет темного облака она так и не смогла разгадать – возможно, сам Голлем и был. Пришел, чтобы паскудно вывести из себя – тревога не хуже стрелы пробивает защиту.

Или все же духи, но закрытые Голлемом?

Смотрели на нее, как на сумасшедшую.

Бздец, кому какое дело? Может, муж ей изменил или шеф с работы уволил – выводит ярость наружу, как интоксикацию. А-а, она махнула рукой, заметив неподалеку скамейку. Лучше пусть пальцем потычут, чем выть в подушку, поминая и мерзость, и сроду незлобливое существо, которое любило ее без памяти, встречая и провожая радостным повизгиванием. «Это мы это еще посмотрим, кто кого!» – взвыла она от досады. Она не сомневалась, что Голлем или духи крепко разозлились. Теперь, пожалуй, не отстанут. Тот же Голлем убирался восвояси несолоно хлебавши только после того, как его нащупать, но в последнее время он рыл яму не ей, а всему миру. А предающие духи молились на него, как на Бога, вместо того, чтобы помочь эту мразь отыскать.

Ну, от последних ничего другого и не приходилось ждать...

Она плюхнулась на скамейку, загадав: если придет кто-то из того мира, значит, война началась, если выглянет солнце...

Любка знала, солнце выглянуть не могло, потому и загадала, чтобы уж наверняка! Небо, затянутое серой пеленой, и ни одного просвета...

Твари поблизости не было. Но и солнце не торопилось выглянуть, а до заката оставалось не так много времени. Любка покрутила головой, приглядываясь к деревьям и кустам, и к проезжающим машинам.

И внезапно сбоку от себя заметила пачку листов, сунутых в мусорный бак...

«Вернуться любой ценой!» – прочитала она поверху крупными буквами... «Игорь Зарецкий»...

Интересно, кто и что собирался вернуть? – живо заинтересовалась она. Украденные сокровища? Военный объект? Или человека? Она попробовала отвлечься, но про нераскрытую для себя тайну не думать уже не получалось...

Залезть в мусорный бак решила не сразу.

С другой стороны, если возьмет рукопись, а в том, что это была рукопись, она уже не сомневалась, если мерзкое существо собиралось помозолить глаза, чтобы попасть в поле зрения, ему придется сильно постараться. Она с прищуром пропустила парочку влюбленных и,

уже не раздумывая, вынула из корзины пачку бумаги, с напечатанным на принтере текстом, пробежав глазами первый лист...

Любка... Любка...

Не про нее, конечно же, кто будет о ней писать? Не такая она важная персона. Но что-то знакомое почудилось ей, когда перевернула страницу...

Глава 3

В небе догорало вечернее солнце. Никто не знал, сколько еще раз поднимется оно над головой. Каждый день приносил плохие новости. Так умирала природа, нарушая все законы, словно убивала, вымещая боль за злое дело – и ни духи, ни люди не могли совладать с нею. Мир вдруг начал становиться каким-то нематериальным – таял, обращаясь в дым. Или таяли люди, переходя в мир духов и переставая существовать...

Будто из вселенной вынули силу.

Один за другим стали происходить события, от которых каждого, кто о них слышал или стал очевидцем, пробирала дрожь. Сначала исчезли звезды. Небо по ночам пугало бездонным мраком Бездны. Потом, ни с того ни с сего, перестали рождаться дети. А еще спустя несколько лет, начал меркнуть свет. Свет еще был, но каждый чувствовал приближение ужаса, как будто на землю упала тень. А спустя какое-то время люди начали замечать, что не отбрасывают тень, и после становятся бесплотными – и, наконец, исчезали, не оставляя от себя ничего.

Словно их стирали из памяти...

Людей охватило отчаяние. Они жались поближе друг к другу, боясь заснуть и не найти того, кто спал рядом. Кровь стыла в жилах от одной мысли об этом. Уже давно никто не искал повод помахать кулаками, не прятал свои чувства, прощаясь перед тем, как погрузиться в сон. Спали по очереди, кто-то обязательно дежурил у изголовья.

Зато духи обретали плоть. Множество тварей, пугая друг друга, выползли на свет божий, чтобы узреть свое уродство. Их было много. Материализовавшиеся духи не шныряли в измерениях как обычно, собирая новости со всего света, и не руководили людьми. Они приходили, чтобы обнять перед тем, как человеку исчезнуть, будто хотели заступиться за него.

И никто не верил в спасение. Они сами избавились от младенца, отмеченного деревом и змеей, самого сильного мага, который когда-либо существовал во вселенной, который мог бы поднять силы ада и рая, чтобы восстановить или то и другое, или равновесие.

Звери еще обходили стороной и тех и, теперь уже, других, не трогали, но, словно бы не замечая, перестали хорониться, обживая осиротевшие города и селения. И повсюду пробивалась трава, ломая твердые покрытия дорог. Обжитая и ухоженная природа дичала на глазах. И никому до этого не было дела. Тех, кто умел поднять материальный предмет, осталось так мало, что их хватало лишь на то, чтобы достать еду и накормить умирающих. Бессмертные духи помогали им, подкармливая материализовавшимися конечностями.

Обретая с людьми единение, они будто надеялись, что те запомнят их такими – добрыми и сочувствующими...

Глава 4

– Мертвая бы родилась... Пророчеству нельзя дать исполниться. Ни рукой, ни ногой никто не сможет пошевелить, если выйдет из нее сила.

– Мудрый, может, вы ошибаетесь?

Молодая женщина рассматривала младенца с ужасом – и тихо плакала, боясь дотронуться до своей новорожденной дочери, со знаками в виде кобры на одной ножке и в виде дерева на другой. Девочка с голубыми глазами и пухом белых волос, розовенькая, с приплюснутым носиком, пускала пузыри и улыбалась, смешно морщась. На первый взгляд, на чудо-вище ребенок не походил. Но она сама была посвященной, знала о пророчестве не хуже старца, который пришел в палату. Она выросла в семье магов, самозащита таким детям прививалась с детства. Она бы и хотела полюбить девочку, но страх сковывал чувства. То же самое, если бы в пеленках ей принесли змею или кусок мяса. Самое страшное зло посредством магии умело и не такие обличья принимать. Нельзя взять в руки красивое растение или вещь, нельзя доверять вожделению и чувствам, нельзя приводить в дом людей, которые вдруг показались на лицо, нельзя заснуть в присутствии посторонних...

– Нет, Мари, нет... От обоих знаков уже веет силой. Не совсем понимаю, как она могла появиться на свет... Мы выяснили, твой муж был уже мертв, когда ты... – он запнулся, выдавливая из себя последние слова, – забеременела. Ты знаешь, многие космические твари предпочитают использовать суррогатную мать, внедряя эмбрион своего выродка. Но мы и подумать не могли, что они будут покушаться на планету, которая защищена нами.

Седовласый мужчина, отложив посох, указывающий на его сан, откинул капюшон плаща и присел рядом, проведя по знакам малышки рукой. И заметил несколько озадаченного духа, который сделал то же самое. Чтобы взглянуть на чудо-ребенка, духи выстроились в очередь. И спорили между собой, выбрасывая мощные потоки мыслительной энергии так, что иногда казалось, что пространство вот-вот заговорит.

– Нет, только не это! – побледнела женщина, внезапно испугано взглянув на младенца. – Я не могла ошибиться... Это был он! – воскликнула она в отчаянии. – Вы хотите сказать, что ко мне приблизился зугрок?

– Да, скорее всего, но...

– Боже! – женщина побледнела и ослабла, содрогнувшись. – Почему же он меня не выпил?

– Они не ранят тех, кто будет вынашивать их семя. Твоего мужа похоронили на поле боя. Многие помнят тот день: наши войска впервые разбили наголо Братство Лютых и взяли в плен их предводителя и корабль. Мог ли твой муж прийти и спать с тобой, если был в это время за тысячи километров в одной из колоний? — седовласый старик покачал головой. – Верь мне, мы все очень обеспокоены. Той ночью к тебе вошел кто-то другой. Но не исключено, что это был твой мертвый муж... Пророчество об этом упоминает. «Ребенок родится от мертвого отца, – тихо произнес старец, словно бы читая. – И все силы ада и рая откроются ему и пропоют осанну...» Ты знаешь Мари, как это бывает, ты сама имеешь силу, превосходящую способности обычного мага.

– Нет, нет... За что? – женщина разрыдалась, закрывая лицо руками. Лицо ее исказила гримаса ужаса. – Он говорил мне, что там, где он был, идет бой, и думал только обо мне. И ему позволено было вернуться, чтобы положить семя дитя, который спасет мир... Я, правда, я словно пьяна была... Я не понимаю, как я согласилась... Но мне казалось... Ведь он тоже был магом!

– Я верю тебе, Мари... Вот именно, но не спасет, а убьет! – покачал головой мужчина. – Убьет, Мари. Разве что-то доброе могло выйти оттуда? – он неопределенно ткнул пальцем

высоко в потолок, глядя при этом в пол. – Твой ребенок... он не человек, он что-то другое. В пророчестве сказано, что руки его исторгнут огонь, глаза пошлют тьму, одной ногой он встанет на ад, другая достанет рай. А еще сказано, что он сын Бога и Бездны... Ну вот, не сын, а дочь... – пробормотал старец. – Ты же не можешь сказать о себе, что ты или то, или другое? Я должен забрать это чудовище, Мари.

– Вы даже не представляете, что я чувствую! – в ужасе прошептала женщина, отшатнувшись от младенца. – Что вы намерены с девочкой сделать? Она так... так похожа на человеческое дитя!

– Об убийстве речь не идет, – устало проговорил мужчина. – Не умно убивать того, кто черпает силы выше силы духов. Он и оттуда достанет. Но оставить младенца здесь, – он поморщился, – чистое самоубийство. Меня послали известить тебя, что его переправят в немагический мир, таково решение Совета. Но прежде мы хотим выяснить, какая раса пренебрегла правилами, и как им удалось получить столь сильного мага.

Женщина тяжело вздохнула, и улыбнулась.

– Хорошо, – твердо проговорила она, испытывая невероятное облегчение. – Но кто его переправит? Границу можно пересечь только раз. Наверное, это должна сделать я. Однажды я подошла к границе очень близко. Моя репутация женщины опорочена, я больше не смогу иметь детей от мужчины. Я пожертвую собой и попытаюсь противостоять ему в том мире.

– Нет, Мари, – покачал головой мужчина, взглянув на нее с досадой. – Ты не можешь... Ты посвященная, это много значит и для нас, и для планеты. Никто не должен рассказать девочке, о том, где она родилась, а ты, как мать, можешь не устоять. Зло не ранит, пока не добьется своего. Пойдут те, в ком мы уверены.

– Вы не можете запретить мне, – твердо проговорила женщина. – Моя жизнь закончилась в тот день, когда я пала.

– Можем. И сделаем. Мы любим тебя. Ты должна верить. Зря ты думаешь, что хоть что-то выйдет из стен этой больницы. Мари, ты можешь взять сироту, и никто не вспомнит о том, что здесь произошло.

– Сироту? – прищурилась женщина, глаза ее взглянули на старца с тревогой и надеждой.

– Да, в ту ночь, когда ты родила, умерла женщина, родив прелестную девочку. Мы даже не уверены, не подменили ли их.

– Я должна посмотреть! Я почувствую! – торопливо и возбужденно проговорила Мари, отвернувшись от младенца. – Да! Да!

– Я понимаю твоё желание, но... ты сама сказала, что к тебе вошел некто, кто принес семя, а ее муж обычный человек, даже не маг.

– Но если вы думаете, что она внедренный эмбрион, то в ту женщину внедрить его было намного проще, чем в меня, – требовательно заявила женщина. – Я хочу видеть ту девочку, принесите ее! Немедленно! – она на крик. – Принесите мне моего ребенка!

В палату через секунду внесли еще одного младенца в пеленах. Женщина судорожно развернула их, вглядываясь, вскрикнула от радости.

– Да, это мой ребенок, – заплакала женщина от умиления. – Это мой ребенок! Я его узнала! Я его чувствую!

– Это легко проверить... Дай мне руку, – приказал старец. Через минуту он стал обеспокоенным. – Нельзя сказать с уверенностью...

– Не смейте мне ничего говорить! – в гневе воскликнула женщина. – Я не могу вернуться в дом отца опозоренной! Семья мужа уже отвернулась от меня, когда узнала, что я зачала в ту проклятую ночь, когда его не могло быть дома! У меня лишь один выход, покинуть планету и искать убежище у чужих племен! Или прийти домой с ребенком, признав факт измены!

– Да, на нашей планете не приветствуется грехопадение, – посочувствовал седовласый мужчина убитой горем женщине. – Мы понимаем тебя. Мы разрешим сомнения, если они у

кого-то возникнут. Но я должен придать тебе уверенности... Иначе наш разговор и все, что здесь произошло, выйдет наружу.

– Я понимаю, – согласно и с облегчением кивнула женщина.

– Хамен! – мужчина ткнул в женщину посохом.

Женщина повалилась на кровать со стеклянными глазами. Мужчина поправил ее, закрыв ей глаза, пару минут подержал ладонь надо лбом. Потом неторопливо достал ребенка из кроватки, завернул в теплое одеяльце, перевязав лентой, положил в кроватку другого ребенка – кликнул сестру.

– Вы знаете что делать, – обратился он к ней, прошептав что-то про себя, глядя прямо в слегка затуманенные зрачки.

– Да, Мудрый, – слегка поклонилась медсестра. И застыла с таким же стеклянным взглядом, как прежде был у женщины на кровати.

– Надеюсь, духи не оставят ее... И тебя... – пробормотал мужчина. Он взглянул в лицо младенца, смахнув слезу, которая выкатилась из уголка его глаза. – Прости нас, Господи!

Не говоря больше ни слова, вышел, покинув родильное отделение.

Глава 5

Погода стояла на удивление теплая, будто сдвинулись времена года. В прошлом году в это время уже выпал снег. А в этом...

Сильно пахло мелиницей, которая в одну ночь сбросила листья и выпустила новые, зацветая. И не только мелиница. Примерно то же самое происходило со всеми деревьями. Птицы не торопились улететь в теплые края, разбиваясь на пары. Реки текли полноводные и мутные, словно с них только что сошел лед. Из-под пожухлой и сгнившей травы пробивалась зелень. Аллеи пожелтели от медоносной живкой. Никто, даже духи не могли объяснить, как они проспали за одну ночь всю зиму. А то, что наступила весна, уже никто не сомневался. Но ведь такого не могло быть, многие даже не спали той ночью! И продолжала работать электростанция, никто не умер, никто не родился.

Кроме одного ребенка...

Он лежал рядом с женщиной, чистенький, будто его помыли. И никто не помнил, кто и как перевязал ему пуповину.

Мужчина приподнял уголок одеяльца, заглянув в лицо младенца. По времени ему в животе сидеть еще пять месяцев, но недоношенным не выглядит. Что же в нем не так?

Сначала подумали, что подбросили. Сверили генетический код. Ничего подобного, анализ указал на Мари и ее убитого в бою мужа. Магия лишь подтвердила вывод, сделанный практиками.

И духи... От них-то ничего не укроется.

Слова женщины, о том, что той ночью, когда она зачала младенца, вошел муж, духи подтверждали. Но опять же, ни один не смог объяснить, откуда, с какого места он поднялся из земли или спустился, и как, если в это же самое время его видели в другом месте, что опять же подтверждают духи?

Глаза младенца на какой-то миг стали осмысленными, будто из девочки посмотрел взрослый человек. Мужчина вздрогнул, едва не выронив сверток. Когда он пришел в себя, руки его дрожали, посох валялся на земле. Он тут же обратился к одному из духов, которые сопровождали его от самой больницы.

– Что это было? – прошептал он едва слышно, с отчаянием в голосе.

– Он убивает... взглядом, – в таком же недоумении ответил один из духов, освободившись от оцепенения. – Поле его было таким сильным, будто он достиг всех ступеней посвящения...

– Он сказал: засните... – растерянно пожаловался еще один дух, внезапно сообразив, что спал, как обычный смертный.

Потрясенные духи тарасились на сверток в изумлении и благоговейном ужасе, не выдавив из себя ни одной мысли.

– Ну вот, объяснение нашлось! – образовал конечности и развел ими еще один дух, с сильно плотной и темной средой внутри себя, указывающей на его высокий сан. – Он захотел спать, приказал, и мы заснули... Заснуло время...

– А как же... – опешил старец, кивнув на яблоню, которая тоже готовилась к цветению.

– Оно заснуло для нас... И мы... – дух потоптался на месте, не решаясь прикоснуться к младенцу. – А природа помнит...

– Боже, он развивает силу не по дням, а по минутам, – с ужасом пробормотал старец, подхватывая посох. – Нам нужно поторопиться, или мы не сможем с ним совладать!

Телепортируясь огромными прыжками от одного селения к другому, он задержался только раз, когда заметил, что младенец зашевелился, пытаясь выставить наружу руку. Заметив высокое и необъятное в длину и в ширину здание из белого камня с куполами-обсервато-

риями и башнями, в которых варились зелья и благовония – научно-магический центр, старец успокоился, побрел устало. Остановился у ступеней, устало навалившись на перила. Силы его были уже не те, приближалась смерть. Он взглянул на младенца еще раз – наверное, он ему завидовал. Чтобы чего-то добиться, к этому шли всю жизнь. Когда-то и он пытался переделать мир под себя... Может быть, в этом была опасность? В том, что младенец легко ломает установленный миропорядок?

Зачем же его послали? Что не так?

Ализира сумела сохранить свои традиции и знания, одновременно поднимая техническую цивилизацию. Какое бы посвящение не имел маг, попасть на другую планету без последних разработок некоторых технократических цивилизаций он не мог. Кроме того, многие космические пираты рыскали в поисках, чем поживиться, имея на борту мощное оружие. От них тоже надо было защищаться. И люди... К чему лишать их той же медицины, от которой не всегда вред? Или образования и автоматизации труда? Но и магия занимала в жизни не последнее место. Духи помнили все, что делалось человеком за долгие века, помогали сохранить природу и ее богатства, выращивали небывалые и невиданные на других планетах урожаи, собирали в мирах полезные растения и животных, вызвали новости и всегда заранее предупреждали об опасности. Магия привлекала их из таких далеких земель, что некоторые ни сказать, ни показать не могли. Тот, кто видел Ализиру, считал ее Раем. Боги благоволили и любили ализиранцев. Уже многие века не было среди них бесплодных и увечных, жизнь проживали долгую, о чем другие могли только мечтать, и не побирались, как некоторые.

Правда, в последнее время к ним все чаще подбрасывали сирот, но обузой их не считали, любили и обучали, как своих. И то хорошо, многие ализиранцы покидали планету, чтобы стать наставниками и советниками, забирая с собой всю семью.

И вдруг...

Об этом «вдруг» уже и забыли. Пророчество пришло из глубины веков. Духи передавали его из уст в уста, да еще наткнулись на него случайно в одной из книг пророчеств, о которых знали немногие. Двадцать пророчеств той книги сбылись, еще до рождения самых древних и старых магов. А последнее никто не воспринимал всерьез. Слишком размытое, написанное корявым почерком – писали его явно в сильном волнении, и обрывалось оно на полуслове, будто тот, кто писал, умирал в это время и пытался перед смертью о чем-то предупредить. Пророчество гласило, что перед самой гибелью мира родится младенец, зачатый от живого и мертвого, отмеченный знаком змеи и древа, как радость и боль, как смех и слезы, как сила и слабость, как искушение и надежда, как два Бога, которые поспорят между собой...

Могли ли Боги о чем-то спорить? И как человек мог быть рожденным от мертвого, да еще как Бог? И как он мог стоять и там, и там, или нести в себе огонь и смерть?

И все же он родился. И гибель мира стала неизбежной, как его рождение.

Не могут ли они ошибаться? А что, если он один сможет спасти их от грядущей гибели? Эта мысль не давала ему покоя – и не он один думал так же, но после того, что он увидел и испытал, сторонников у него поубавится. Доложит он, или не доложит, духи не станут молчать, слишком напуганы. А напугать их не так-то просто. Даже магу, посвященному во все тайны бытия. Все они – осколки одного целого, не имели ни смерти, ни жизни, уходили и приходили, как посланники и помощники. Или навеявая непосвященным помрачения рассудка, если человек был одержимый своим эго. Или становились кладезем мудрости, когда тот, кто обращался к ним за советом, умел терпеливо слушать. А поговорить духи любили, начиная издалека, незаметно, исподволь собирая воедино такие детали, до которых человек никогда не додумается. Или приносили пророчества, которые рано или поздно сбывались. Иные пророчества были кратковременными, для одного человека, иные на сотни лет и обычно касались целого рода или нескольких поколений, а иные...

Иные были даны, как приговор. И только тот, кто слушал пророчества, мог обратить их на благо или на беду. Все пророчества были лишь откликом на событие, которое неизбежно должно было произойти. И где-то там, среди коротенького послания, было прямое указание, как обойти ее.

Кто поверит, что ребенок, который на полгода усыпил все сущее, пришел в этот мир, чтобы спасти их? Какую еще беду можно себе представить?

Нет ничего удивительного в том, что ее решили отправить в другой мир. Спали не только они, спали и на других планетах. Но в душе Древослава царило смятение. Если было пророчество и знак свыше, как знать, что нет еще более страшной беды, чем этот ребенок? И как потом отмыться перед душой и перед Богами, если кровь младенца покроет руки? Сама кровь могла стать проклятием. Неужели же они, сильнейшие маги, расписались в бессилии перед младенцем?

Старец вздрогнул, когда кто-то положил руку на его плечо.

– Мы тебя ждали, – голос прозвучал ободряюще. – Духи нам поведали, что произошло. Я, право слово, даже не знаю, что сказать...

– Ничего не говори, – Древослав повернулся к старому другу. – Мы творим зло, которому не будет прощения. Я чувствую.

– Мы все чувствуем. Чувство вины! Ты знаешь это не хуже меня. Нам еще не приходилось судить младенца. Я бы с радостью повел своих ратоборцев снова в бой против Братства Лютого, чем искать гибели этому младенцу. Но мы должны. Здесь наши семьи, наши земли, наш дом. Избежать гибели мы можем только так.

– Хорошо бы, ну а если гибель придет не от него? – с сомнением повторил Древослав свою мысль вслух, обратив взор, наполненный мукой, на умудренного сединами Мировода. – И когда придет беда, его, наделенного силой, не будет рядом?

– Все может быть, – согласился Мировод, состроив младенцу козу, склонившись над ним. – Но кто, кроме него, мог бы нам погрозить? Он еще не родился, а уже показал свою силу. Ты представляешь, что будет, когда руки его исторгнут огонь?

– Но мы не умерли. Мы спали! Как мертвые... А если и огонь имеет двоякий смысл?

– Пойдем, – Мировод тихонько подтолкнул Древослава, подавая ему руку, чтобы он смог опереться. – Там ты можешь сказать то же самое. Если мы и примем решение, это будет не один человек, и не два. Наберись терпения.

Древослав поправил одеяльце, подобрал посох.

– Пойдем, – он тяжело вздохнул.

Нелегко давался Древославу путь от входных дверей до залы, где собрались самые мудрые и старые маги. Были среди них и представители от наук, которые верили, что магия лишь не до конца изученное явление и опирается на тот же закон, воздействуя на материю, пространство и время с другого угла зрения. И иногда им удавалось свои предположения доказывать. Например, гипотезу, а теперь уже неоспоримый факт, о двоичности пространства. Или о существовании матричных носителей информации, через которые можно было легко манипулировать человечеством. Или о существовании двух источников, которые дали начало вселенной, образовав между собою поле, тем самым продвинув магию на такие высоты, о которых древние могли только мечтать.

И духи... От их присутствия в зале казалось тесно.

Когда он и Мировод вошли, голоса мгновенно утихли и все взоры обратились на них. Легким поклоном оба поприветствовали своих коллег, прошли к трибуне с подготовленным для ребенка ложем, положили младенца и развернули. Невинная девочка, сжав пальчики в кулачки, спала, посапывая. Как только руки ее освободились от пелен, как самый обыкновен-

ный ребенок, она сунула большой палец в рот. Мировод поменял ей памперс, заметив, что он переполнен. И сразу потянулись желающие убедиться в отметинах.

– Нет! – радостно воскликнул один из магов. – Ну чем же она может нам навредить? Я полностью согласен с Древославом, мы должны принять ее.

– Погодите... – один из магов, который в это время стоял у возвышения, отшатнулся с отвисшей челюстью. За ним в изумлении застыли другие.

Девочка проснулась. И улыбалась, крепко вцепившись в конечность духа, который рискнул ее погладить. Тот взвыл, метнувшись от трибуны, взлетев высоко вверх.

Младенец не только увидел духа, но сумел нащупать, как материальный объект.

Возле ребенка сразу стало пусто. И холодно. Духи выпустили от страха столько холодной энергии, что она мгновенно остудила воздух до минусовой температуры. Из открытых ртов застывших и онемевших магов вышел пар – стало так тихо, словно уже наступил конец света.

Младенец зябко и недовольно поежился, покрываясь синими пупырышками. И раскрыл ладошки.

Зал вздрогнул еще раз...

Теперь стало горячо. Волны инфракрасного излучения, не имея источника, поджарили всех и сразу, подняв температуру воздуха до температуры хорошо прогретой сауны. Младенец поморщился и замер на мгновение, понизив ее ровно наполовину.

Внезапно прозвучавший голос разорвал тишину, прозвучав, как гром среди ясного неба.

– Вы, как хотите, уважаемые коллеги, а для меня все ясно: этот ребенок не может оставаться здесь ни минуты...

– Боже святой, от него будут избавляться повсюду...

– А что скажут наши дорогие ученые?

– Мы согласны. Этот младенец вообще непонятно что... Вне времени, вне пространства, вне материальности... Приятного здесь мало, сила его растет. Я даже не уверен, что за стенами, пока мы тут спорили, не прошла еще пара веков... Оставить его на Ализире – сущее безумие!

– Но убить его мы тоже не можем! – заступился за младенца Древослав. – Если его кровь ляжет на нас, не вызовем ли мы гнев Богов, которые наделили его такими способностями?

– Хорошо, но все же... Нужно как-то избавить его от этой силы. Может быть, наложить проклятие? Изолировать его, чтобы ни один из духов не смог к нему приблизиться?

– Пусть будет проклятие... Но одного проклятия мало. Пожалуй, пора нашему совету взять на себя ответственность и попробовать применить что-то более существенное. Например, лоботомию. Если закрыть третий глаз, он не сможет... не сможет вызвать силу.

– Ну а если сила в нем самом? Если он сам ее родит?

– Тогда, кроме всего прочего, нужно разорвать связи между нейронами.

– Мы же собрались превратить дитя в растение! – ужаснулся Мировод.

– Мой дорогой коллега! Если выйдет из-под контроля его сила, мы все тут станем растениями! Хуже, войдем в царство мертвых! Из правды слов не выкинешь, себе дороже! Пора голосовать...

Глава 6

Планета была так себе. Одиноко плыла вдали от цивилизованных планет и звезд, на все времена закрытая на карантин. Энергетический червь не умирал, умело маскируясь и образуя целые колонии, а иногда внедряясь сразу по нескольку штук на одно тело. Немногие могли устоять. Уничтожая руками человека природные ресурсы и животный мир, рано или поздно черви пробивали защиту, подминая под себя и человека, выставляя наружу голову, и его душу, которая становилась задницей. Черви не брезговали закусить ни малым дитем, ни собратом. Пик его активности приходился на активность звезды, возле которой планета крутилась. Он чутко реагировал на всплеск электромагнитных волн, когда начиналось его размножение. В этот период агрессия и депрессия возрастали, многие носители не выдерживали и умирали от разрыва сосудов, которые под червем быстро изнашивались.

Люди, зараженные червем, являли собой жалкое зрелище – эмоциональные и подавленные в себе, агрессивные снаружи, легко попадая в зависимость любой привычки, которая убивала, помогая червю выкачивать силу. Агрессия проявлялась во всем. Даже неосторожно брошенное слово могло вызвать бурю негатива в ответ. Войны, революции, голод – все, что могло подавить сознание, чтобы можно было легко захватить информационное и ментальное поле. Причина любая, лишь бы побольше крови. Дети на родителей, родители на детей, богатые на бедных, бедные на богатых, идеология на идеологию – смирение, покорность, податливость. Червь действовал на подсознательном уровне, выживая, как любая тварь.

Духи планеты держались от людей подальше, но часто дразнили червей, обращая внимание на человека ровно столько, чтобы червь иногда шевелился. Чужие духи залетали редко, поговорить им было не с кем. Во-первых, ни тех, ни других духов почти никто не слышал, а во-вторых, от мудрых речей становилось только хуже. При приближении духов, черви начинали виться ужом, раздражая извилины и выпуская флюиды, которые означали опасность. Общество сразу приходило в движение, открывая опасность даже там, где ее сроду не могло быть.

Например, вера и знание. Верить – верить, но не мешай искать ответы и доказательства другим и не затыкай им рот. Вера не есть знание. Но у червя был хорошо развит инстинкт самосохранения, и все, что могло указать на него, вызывало у него раздражение, а у человека неосознанный страх. И ничего поделать с червем уже было нельзя, оставалось только ждать, когда он уничтожит все живое, в том числе своих носителей, когда голова отправляла задницу в костер или поджаривала на масле, наслаждаясь муками.

Черви питались болью, черви не горели в огне.

Территория планеты была поделена на страны, в каждой свои законы, свой язык. Магов здесь не жаловали, обращая в пепел.

И не только магов...

– Лучшего места для нашей малышки не придумать. Здесь ей не восстановить свой потенциал, – старый маг самой высокой ступени посвящения снял защитный шлем, сканируя планету.

Молодой маг, совсем еще мальчик, Оливарн, не прошедший все ступени посвящения, которому поручено было присматривать за малышкой, покачал головой, с брезгливостью усмехнувшись. Мнения старых магов он не разделял, и жаждал доказать, что они совершили величайшую ошибку. И жалел исполосованного хирургами и мясниками сверху донизу младенца. Но если он будет рядом, он сумеет поставить ее на ноги – он уже применил кое-какие заклинания, которые должны были помочь девочке не умереть дорогой.

Он с радостью взглянул под уголок покрывала, убедившись, что она дышит.

– Мы закрыли ее от духов, чтобы ни одна мудрая мысль не пришла к ней от Богов, наложили проклятие, чтобы люди ненавидели ее, проткнули мозг и выжгли разрядами, чтобы она

навсегда осталась неподвижной, слепой, глухой... Но этого нам показалось мало! Мы решили покормить ею червей, заведомо зная, что она не сможет им противостоять... – юноша зло скривился. – Я буду ненавидеть себя до конца своих дней.

– Вы не правы, коллега. Мы боролись не с человеком, – твердо произнес старый маг, польстив своему ученику. – Мы избавляли себя от большой беды! Пусть лучше погибнет один младенец, чем миллиарды людей. Поверь, она ничего не почувствует, даже если черви войдут в нее. Им нужны мозги, а у нее их не осталось.

– Они думают также... – Оливарн кивнул на грязное селение, возле которого они остановились. – Чем же мы отличаемся от них?

– Решение принято, и не нам его отменять... Оливарн, попробуй войти в мое положение! Думаешь, мне легко? – не сдержался Мерхуд, сердито срываясь. – Но я не вижу иного выхода. Мы перестали существовать на целых полгода!

– И мы испугались! Мы, маги! Того, что не смогли понять! Я начинаю думать, что мы потеряли бдительность, вынашивая новый вид заразы! – с усмешкой бросил Оливарн. – Тогда нам осталось недолго. Мы будем худшим для себя бременем!

– Давай не будем судить себя сейчас. Уже поздно.

Оливарн радостно вскрикнул, просканировав планету.

– Я нашел беременную женщину, ребенок которой умер несколько дней назад. Упала с лошади. Плод разлагается, началось заражение крови. Роды, к тому же поздние, они будут тяжелые и с осложнениями. Оставим младенца ей. Я чувствую, у нее в роду был маг...

– Оливарн, ты не оставляешь мне выбора... Твое упорство погубит нас всех. Она не должна знать о магии ничего! – старый Мерхуд с досадой взглянул на юношу, который питал надежду. Это был его лучший ученик, отважный, умеющий сказать слово, но ему не повезло. Теперь понятно, откуда у него было столько самоуверенности. Его душа не знала сомнений. – Я не сказал тебе самого главного, наша дорога была в один конец. Никто не может пересечь границу дважды! Здесь нет оборудования, которое вернет нас назад, и мы не можем дать его этому миру, ибо червь войдет в наш мир с первым человеком, который пересечет границу. Это мы разрабатывали для них идеологии и уничтожали магию в зародыше, чтобы они не создали его сами.

Оливарн с младенцем на руках обернулся к своему учителю, лицо его стало каменным и бледным. Голос его задрожал.

– Учитель, называйте вещи своими именами. Неужели же мы бросим женщину в беде, только потому, что она имела в роду мага? Она умрет, их медицина не сможет ей помочь! Мы оставляем той, которая возьмет ребенка на воспитание, растение, которое никогда не встанет на ноги, не произнесет «мама»! Хуже, мы даем ей Голлема, который будет преследовать и ее, и ребенка, выкачивая их силу и забирая самое дорогое!

– Голлем был необходим. Если младенец выживет, он сделает память девочки черной, как сама Бездна, чтобы ни один дух не подступился к ней, не одна мысль из пространства не потревожила ее. Мы не должны вмешиваться. Это их жизнь! – отрезал старый маг.

– Но разве духи нас не поддержали? – воскликнул Оливарн.

– Духи всего лишь посланцы! Им неведом замысел Того, кто их посылает. Кто скажет, вопреки или согласно пророчеству мы поступили?

– Но мы уже вмешались, когда разрушили их мир! – в отчаянии и ужасе выкрикнул ученик. – Вы учили меня верить в свет и добро, но что тогда свет и добро, если то, чему вы меня учили, оказалось тьмой и худшим злом? Я отвечаю за девочку, это мое условие.

Старый маг взглянул в глаза своего ученика, запуская руку в его волосы.

– Хорошо... Услуга за услугу, я спасу женщине жизнь и оставлю девочку ей. Здесь слишком много микроорганизмов, против которых у нее нет иммунитета. На коре головного мозга осталось кровь, которая вызовет воспаление и смерть. Женщине не придется долго мучиться

с ребенком. И не стоить делать из этого трагедию. Но это последняя твоя просьба... Я должен был это сделать, – он убрал руку с головы ученика.

Внезапно в другой его руке блеснула сталь, он взмахнул ею – и из перерезанного горла Оливарна хлынула кровь.

Ученик усмехнулся, пошатнувшись, с вызовом бросив старому магу.

– Вы убили меня... до того, как произнесли заклятие смерти... под... крепив слова... – рот его, наполнился кровью. Он бы мог исцелить себя, но заклятие смерти не давало достать нужное слово. – Боже, помоги... ей...

Договорить он не успел, сверток выпал из рук, и он упал на землю плашмя, лицом вниз.

Старый маг повернул ученика, закрыл неподвижно застывшие глаза, устремленные с непониманием в небо. Склонился над ним, присев на колени, потом дотронулся посохом. Тело сразу начало гореть, осыпаясь пеплом. Наверное, он ненавидел наложенные на него заклятия, и руки, которые теперь не принадлежали ему.

– Потерпи... Через час ты скажешь мне все, что хотел... Ты был моим лучшим учеником и превзошел меня... – из глаз старого Мерхуда выкатились скупые слезы. – Но я не мог нарушить клятву, данную Совету... Прости... Я прошу у тебя только час, Учитель!

Глава 7

Какие красивые цветы! Прямо перед глазами. Огромные белые, с множеством лепестков и желтым пупырышком в середине. А небо над головой – синее-синее! И белые барашки!

Любка вдруг осознала себя на поляне, чуть не задохнувшись от ощущения нового, с удивлением рассматривая вокруг себя огромный-преогромный мир. Она пошевелила рукой, которая непроизвольно потянулась к цветам.

Еще один, синий, как небо... Другой по форме, колокольчик... Но она пока об этом не знала. Глазам было немножко больно. И зеленая-презеленая трава, которая удивительно приятно благоухала на срезе.

А рядом, незнакомые взрослые дяди и тети.

Большие, пожалуй, могли наступить... Три женщины и один мужчина.

Странно, она их совсем не помнила, и теперь таращилась, пытаясь определить – злые или добрые? И только потом заметила, что она тоже другая, не такая, какой себя представляла.

И голоса... Сначала показалось, что она слышит их в голове, но прислушавшись, отчетливо определила источник. Ей даже показалось, что речь идет о ней.

– Ой, Тина, сдала бы ты ее в детдом, чем так мучиться. Четыре года уже, а она не видит, не слышит, корчит ее... Ведь не донесешь! – осуждающе и обеспокоенно проговорила одна из женщин.

– Донесу! Своя ноша не тянет! – бросила невысокая худенькая женщина, спокойным ровным голосом, не выдавая никаких чувств.

Любка пошевелила пальчиками, заметив, что чувствует их, как себя самою. Ей было не до взрослых. Мир ворвался в ее жизнь, лишь отметила, что последний голос она знает – подсознательно, как будто уже слышала.

– Куда ты ее потащила-то? – сквалыжно проворчала самая старая подслеповатая женщина, чем-то похожая на ту, маленького роста. Из-под ее платка выбились пряди седых волос.

Любка вздрогнула – и этот голос приходил к ней не раз, вызвав неосознанную тревогу.

– Фотографироваться идем. Фотограф из райцентра обещался приехать, я объявление видела. Четыре года нам уже, а у меня ни одной ее фотографии нет. Поди, помрет, помянуть не смогу, – снова так же спокойно ответила женщина, которую называли Тина. Она тяжело вздохнула.

Любка уже не слушала. Ох, какая красивая букашечка! Это больно, или потерпеть? Пока букашка ползет, вроде ее не чувствуешь. Так теперь будет всегда, или это ненадолго? И где это все было раньше?

Любка растерялась.

– Да уж, – согласилась старая женщина, со злостью взглянув на нее. – Девка-то красивая, так ведь родила от дурака, терпи теперь.

– Че он дурак-то, с чего... мужик как мужик. Мало их таких?

– Пьяный, поди, был, – предположила старушка.

Ух ты! Какой огромный зверь... Страшно! Любка облилась ужасом, заметив, как рядом прыгнуло огромное мохнатое существо, в два раза больше ее. Она пыталась определить, как к нему отнестись. Зверь как будто ее не заметил, покрутившись возле больших людей.

Надо же, его погладили... И совсем не боятся.

Страх ушел. Теперь она могла его рассмотреть – на вид он сразу показался ей мягким и пушистым. Она неосознанно потянула к нему руку, чтобы пощупать.

Не дотянулось...

Высунув розовый язык, зверь скакнул в траву совсем рядом. Любка высунула свой, сравнив ощущения. Боли нет. Кончик языка нащупал что-то твердое во рту.

– Нормальный был... Это я перед родами сильно покалечилась, лошадь понесла, видно, повредила ее. Андрей, ты бы мне лошадей-то помог... А то и, правда, не донесу. Большая она стает.

– Тина, не придумывай, сейчас все брошу... Сенокос закончится, потом, – отмахнулся мужчина. – Погоди маленько, свожу.

– Давно обещался, не дождешься. – обиделась Тина. – Куда свозишь? Фотограф уедет! Вроде брат, а ни о чем попросить нельзя!

– Да ну на тебя, придумала тоже! – закричала на нее старая женщина. – Бери литовку да коси! Сама калека и калеку родила. Зачем тебе ребенок понадобился? Передок зачесался?

– Че косить, молоко у соседей покупаю... Сами и косите! – в сердцах бросила Тина, сплюнув. – Будто ей много надо! – она ткнула в Любку. – Литру не допросишься у вас!

Любка недовольно взглянула в сторону взрослых – громко разговаривают, так что не понять, кто прожужжал возле уха. И еще какой-то звук, похожий на тот, который она все время слышит в ушах. Но теперь он как будто отодвинулся или вышел наружу.

Женщина в нарядном белом платье с красными маками, которая отвернулась и все это время косила с недовольным лицом, повернулась с мученическим лицом.

– Было бы! Не доится корова совсем, возьми да посмотри! У меня, Тинка, трое мужиков. Не накормишь, озвереют. Да еще мать ваша на мне. А ты в доме инвалидов на всем готовеньком!

– Ты, Мотя, горшки-то повноси за стариками! Там половина лежачие, их и помыть надо, и поворотить, и посадить, и накормить... – расстроено проговорила Тина.

– Я слышала, закрывают его? – позлорадствовала женщина в платье с маками.

– Закрывают... В город скоро всех перевезут, без работы я останусь. Ой, не знаю, что буду делать. Врач тоже уезжает, который Любку поставить на ноги обещался. И нас, нянечек, зовут. Но на первое время жилья не будет. Хотела вас попросить, девку, может, мою подержите у себя? Это ненадолго, на год... Через год, говорят, дом достроят, квартиру выдадут.

– С ума сошла? – всплеснула руками старая женщина. – Да на что она нам? Ты с ума не сходи и на нас не рассчитывай! – отрезала она. – Че мы с твоей калекой будем делать? Она лежащая, да еще корчит ее постоянно. Сопли, слюни, говно... ты ее породила, ты, давай, ее и... – старая женщина махнула рукой вдаль, отвернувшись и широко взмахнув литовкой.

Любка знала много. С сегодняшнего дня. День, в который она пришла в этот огромный и красивый мир. Всему требовалось осмысление. Значит, здесь она будет жить! Ну что ж, ей пока нравилось. Она наморщила лоб. Надо было что-то со всем этим делать, а что, она пока не знала, но так чувствовала.

Мужчина промолчал, не вмешиваясь, потянулся за оселком, который лежал рядом с Любкой. И вдруг замер с вытянутым лицом. Женщины еще о чем-то переругивались, а Любка исподлобья вглядывалась в застывшее лицо, хмуро, почуяв недоброе. Люди, которые окружали мать, ей не понравились.

Вот, значит, какая она, а эти трое их не любят...

Наверное, она испугалась. Враг был слишком близко – такой огромный! И сердитый. Любка смотрела на него исподлобья, внезапно сообразив, что его не одолеть.

И сразу почувствовала судорогу, которая вцепилась в челюсть, с силой неровно сдавливая ее – из полуоткрытого перекошенного рта по подбородку потекла слюна, которую она почувствовала не сразу, лишь когда та вымочила белое в красный горошек платье, оставляя мокрое пятно. И руки... они вдруг перестали слушаться, Любка никак не могла пошевелить сжатыми в кулаки пальцами, ноги ослабли – их она тоже больше не чувствовала.

Но мир остался, немного погрузившись во мрак, который не закрыл его, а лишь наложил отпечаток на все, что она только что видела таким необыкновенно красочным и умиротворенным.

– Тина... – не своим голосом позвал мужчина, не отрывая взгляда от ее лица. – Тина! – он почти крикнул. – Она... Она смотрит! Она... – он, наверное, испугался.

Три женщины сразу замолчали, бросившись к ним. Мать дрожала.

– Ну-ка... ну-ка... Люба, – позвала она ласково, сорвавшимся голосом.

Любка перевела тяжелый взгляд на мать, обвела остальных, и остановила его на мужчине, который теперь, пожалуй, был еще и бледным. Нет, похоже, он не собирался причинить ей боль, но она не верила. Руки и ноги ее затряслись, напугав и мать, и всех, кто на нее смотрел, и сама она испугалась, когда поняла, что боится, а как будто нет.

– Это... – он озадачено и неловко взмахнул руками, ссутулившись в растерянности, – она руками... руками за ромашку... И ножку-то, ножку подогнула...

Мать закрыла рот рукой, беспомощно и отрешенно уставившись в пространство. Спустя минуту она словно бы вернулась, внезапно расстроившись.

– Что-то я и порадоваться-то не могу, будто чужая она мне... Вот не чувствую ничего... Ничего! Как взглянула на меня, будто отрезало...

– Тина, да не мели чепуху! – осуждающе вскрикнула старая женщина, протягивая руки к Любке. – Нехорошо так-то говорить! Любушка, иди к бабе! – позвала она. – Господи, опять ее скрутило! Палку скорее вставь между зубов!

– Да где я палку-то возьму? – метнулась мать.

– Да хоть траву...

– Любонька, надо, надо, открой ротик...

Нет, наверное, они не злые. Любка успокоилась, внезапно расслабившись – и снова почувствовала ноги и руки, еще ватные, но свои, попытавшись встать.

Глава 8

Наверное, матери было не до нее. Маленький розовощекий младенец требовал много внимания. Стоило отойти, он начинал громко верещать, и мать все бросала и бежала к нему.

И не сердилась...

Наоборот, такой счастливой Любка ее никогда не видела. И каждый, кто заходил в гости, непременно останавливался возле кровати, выдумывая для него кучу непереводимых слов. А о ней разговаривали, как будто ее не было рядом, как будто она не слышала.

Теперь она все понимала, но от этого легче не становилось. Боль день ото дня язвила глубже. Она не сомневалась, что нужна матери, как она без нее? И с Николкой надо посидеть, и за дровами во двор сбегать, и маленькими ведерками натаскать в кадку из колодца воды, и выгнать в стадо овец и козу.

Она умела.

Но разве ж докажешь, что помощницей растет, если все, кто встретится на пути, обязательно ведут разговоры о ней, как об обузе, испортившей матери жизнь? А если обращались к ней, то с насмешкою, начиная играть в игру, которая ей совсем не нравилась. Снимали с нее какую-нибудь вещь, и ждали, что она за ними побежит. А как не побежишь, если вернулась без ботинка, мать поленом так избила, вспомнить страшно.

Вот и сейчас...

– Ну вот, Николка подрастет, будет в доме помощник. От калеки-то какая помощь? – пожаловалась мать. – Шесть лет прошло, а корчит ее, руки трясутся, слюни бегут. Страшно смотреть. Не чувствую ее, и не тянет к ней, и даже дотрагиваться неприятно, чужая она какая-то... Лупи ее, не лупи, шары дикошарые выставит, мороз по коже. Хоть бы слезинку проронила, чтобы знать, что там у нее в башке.

Ну, какая же она калека? С чего взяла, что калека? В груди стало больно, боль распознала и плакала сама по себе...

– Ох, намучалась ты с нею. Это не пройдет, – Нинкина мать покачала головой. – Ты, Тина, уже не надейся. Сдай в детдом! Специальные интернаты есть для таких дураков, – посоветовала она.

Посмотрела бы на свою дурочку, обиделась Любка. Все ребята ее за писю трогают, а ей нравится. И ей предлагала попробовать. Сережка, брат двоюродный, объяснил, как это плохо! А еще денежки из кармана достает и ребятам отдает, чтобы они ее с собой на стадион играть брали. Сама видела! И бутылки бьют, а стеклышки на тропинке бросают. Ее заставили босиком пройти, теперь нога болит, в которой стекло застряло. А еще... Любка задумалась и взгрустнула, Нинка была старше ее. Все девочки старались с ней дружить. Если сказать, потом проходу не даст. Пусть бы ее в страшный дом отправили!

– Да думала, пусть уж живет пока. Говорят, шибко их там бьют, – махнула мать устало рукой. – С Миколкой-то сидит, пока я на работе. Подрастет пусть...

Значит, поживет еще. Любка напряглась, уткнувшись в лист бумаги.

– Как ты на дурочку оставлять его не боишься? Изувечит парня. Кто знает, чего у нее на уме? Я на нее смотрю, знаешь, она вовсе на тебя не похожа... – тетенька взглянула на Любку придирчиво. – Может, подменили ее?

– Да я уж думала. Только кто? Там кроме меня и не было никого. Четыре дня ее рожала, больно большая была. И беленькая, чистенькая, будто помыли. Поди, там голову-то и покалечили, когда доставали? Теперь думай, не думай, желей, не желей, а обратно не запихнешь!

Любка уже тоже не сомневалась, что ее подменили. Иначе тяжелую ее жизнь никак не объяснить. Она невольно помечтала о своих родителях – других, которые знать не знают, что они ей очень нужны. Разговаривали бы, вывели бы вшей... она сунула руку в волосы, ско-

вырнула с головы коросту, выкладывая ее на бумагу. Две крупные и несколько штук мелких поползли в разные стороны. На затылке волос не было, их срезали, чтобы зажили гнойные нарывы. Сначала хотели налысо, но так слишком заметно. А когда-то, пока не родился Николка, у нее была коса... желтая, цвета соломы. С заплетенной в нее оранжевой лентой, завернутая в платок, коса лежала на чердаке. Ее обрезают, потому что волосы запутались, расплести их не смогли. Было бы это сейчас, она бы, наверное, расплела ее сама.

– Столченная она у тебя. Себе на уме... Разговаривает сама с собой... Видела я, – пожаловалась злая тетенька.

И не с кем-то, а с вымышленными друзьями. Со зверями, с цветами, с небом. Иногда с матерью... Будто не понимает! Нинка тоже разговаривает. Вот была бы у нее такая же кукла, разве бы смогла на нее наговаривать? Любка замерла, пытаясь успокоиться.

– Чего она у тебя там бумагу портит? – бросила насмешливо тетенька, взглянув на лист, на котором она старательно выводила букву, которую видела в книжке соседской девчонки, которая нынче собиралась идти в школу. Ей купили и книжки, и портфель, и новое платье коричневого цвета, и два фартука – черный простой и белый шелковый.

– Дрянь, чего опять там творишь? Все ручки перетаскала...

От слов матери и тетеньки сердце сжалось. Руки свело судорогой, ручка поехала неуправляемо, вжата в бумагу, и треснула, переломившись. Буква стала похожа на каракулю, которую рисовал маленький Николка. Мать выдернула лист и вывернула руку, вытаскивая из нее обломки, взглянула с досадой, голос ее стал злой и угрожающий. – Ой, ой, ой, вель в попе заиграла! Ну-ка, иди вон отсюда, чего подслушиваешь?

Она ткнула кулаком ей в голову.

В глазах у Любки потемнело.

– Когда она что-то творит, меня такая злость берет, – пожаловалась мать, – иногда даже боюсь, что убью когда-нибудь, – она с досадой вернулась к Нинкиной матери, бросив на стол обломки.

Любка постаралась улыбнуться – упасть лицом в грязь перед злой тетенькой не хотелось. Что плохого она сделала ей? За что невлюбила ее?

И мать...

Покорно согласилась, принимая ее сторону, как будто не вымыла она вчера полы, не рисковала жизнью, помогая ей загнать барана в стойку, не принесла полное лукошко черемухи...

Поступок матери показался ей оскорбительным до глубины души. Слов не было, только боль, которая сдавила внутренности, как кол, разрывая сердце. Но улыбка вышла кривая. Начался приступ. Как всегда, когда она видела, что мать настраивают против нее. На приступы Любка давно не обращала внимания, лишь отмечая, что начинаются они, когда ей больше всего хотелось, чтобы выглядела она не хуже той же Нинки. Ее почему-то любили все, даже мать, которая жалела, что она ее дочь, а не Нинка. Больно было от слов.

Она бы заплакала – но глаза остались сухими. Плакать получалось, только когда оставалась одна.

Ударившись в косяк, будто ее швырнула неведомая сила, на подкашивающихся ногах Любка выскочила во двор, с ненавистью глядя на свои скрюченные и трясущиеся руки, которые стали чужими. Сейчас она не могла ими даже вытереть слюни, которые текли и текли из сведенного судорогой рта. Когда подносила, руки бились в челюсть, забивая себя насмерть.

Надо потянуть время...

И вернуться – там глумился враг, который выдумывал, чем от нее отвадить мать, чтобы та поверила, что от нее надо избавиться. Она не понимала, что же не так, чем она хуже других, которые во всем старались подражать взрослым, изгоняя ее, если были вместе. Дружили с ней лишь поодиночке, когда больше было не с кем. Почему ее не любят?

И, наверное, ненавидела, когда не оставалось сил, когда чувствовала, что больше не может жить...

Любке казалось, если докажет, что она не такая, как тот, почти взрослый парень, который таскал на веревочке за собой железяки, в которого всегда кидали камни, и кричали, и бегали вокруг, чтобы заставить его выглядеть жалким, мать не будет ее бить, выдумывая вину, желая ей сдохнуть. Она такой жалкой, как тот парень, не выглядела, – и, если билась с кем-то, билась не на жизнь, а на смерть. Например, три большие девочки, которых она угостила ухой, сказали, чтобы отдала всю, а потом привязали ее к кровати и уху доели. Она знала, что мать снова ее побьет и ни за что не поверит, что она сама ее не съела. И она отвязалась, схватила кочергу и ударила одну из них. Драться они не стали, бросились врассыпную, убегая по домам огородами. Зато после этого стали вести себя, как люди. И не заманивают, чтобы побить, после того, как подожгла сарайку, в которой большие девочки весело хохотали, вспоминая, как она просила ее отпустить, когда Ленкин брат, который учился в пятом классе, ее щупал и показывал ей письку.

Тушить сарайку сбежала вся деревня, а Любка смотрела из своего огорода и радовалась. Теперь это была ее территория – и пусть только попробуют сунуться! Даже за водой на колодец не пустит, пусть идут на колонку, который за три дома и пустырем.

Где-то в глубине души она чувствовала, что мать ее любит, по-другому не могло быть. Не отдает же она ее в тот страшный дом, куда отправляли ненужных детей. Значит, у нее еще было время, чтобы поворотить судьбу вспять. А если что, сбежит – в лес! Ей только надо взять с собой теплую одежду, соль, спички и немного еды.

Челюсть снова повело, зубы склацали, прикусив язык.

Любка злилась, время было не то, чтобы бояться.

Пора...

На мосту она остановилась, подкралась к двери, прислушиваясь к тому, что творится в доме. Женщина хвасталась, что Нинка нынче идет в первый класс, и учительница уже собирала собрание, а мать завидовала, когда еще Николка вырастет. И мечтала поднять Любку до того времени, когда сможет ее куда-нибудь пристроить на работу.

Любка тоже позавидовала. Ей семь лет исполнится только зимой, поэтому она даже мечтать о школе не могла, а если и пойдет, то в такую, в которой детей бьют. Ту школу и за школу-то не считали – все знали, что там ничему хорошему не учат, потому что учились там такие дети, которых ничему не научить. Как будто она хуже Нинки! Любка проглотила слезы, она так не думала, здесь у нее было свое мнение. Сама себя она никакой дурой не считала. И все-все-все понимала. Но весь мир как будто обрушился на нее в своей злобе.

Если бы не боль, которая приходила со словами!

Иногда она ненавидела Николку, который отнял у нее и мать, и всех, кто хоть сколько-то интересовался ее жизнью. С его появлением стало совсем невмоготу. Ум боролся с болезнью, внезапно понимая, что она безраздельно властвует над телом. Но сам по себе Николка был не злой, и радовался ей, когда они оставались вдвоем. Обидеть его она бы никому не позволила. Ходить он еще не мог, но ползал быстро, а она ползала вместе с ним, чтобы ему нескучно было.

И снова говорили, что ползает она оттого, что дурочка...

– Поросенок у меня на той неделе сдох от рожи. Как зиму переживу, не знаю. Перед этим коза ногу сломала. Никакая скотина в доме не ведется, одни кошки, – пожаловалась мать. – И понимаю, что глупо, вроде и без того девка больная, а ничего с собой поделывать не могу, то и дело ловлю себя на мысли, что всю вину на нее сваливаю... Приду домой, и вода наношена, и дрова у печки сложены...

Вот, обрадовалась Любка, любит, только сильно устает, и все время наговаривают! Она тут же простила мать, почувствовав облегчение.

– Возможно, Тина. Я тоже, когда смотрю на нее, – через щель в дверном проеме Любка заметила, что тетенька на мгновение задумалась, – у меня в душе тоже как-то холодно становится. Будто руками за горло держат.

Женщина передернулась. Но Любка нутром почуяла, не раскаивается, скорее, пыталась задобрить мать. Взрослые редко меняли мнение, но часто ввали, чтобы привлечь на свою сторону, как бы соглашаясь, а потом исподволь подначивая под себя.

«Ты меня не забереешь!» – поклялась себе Любка, облившись холодом.

И тут же расписалась в полном своем бессилии.

Нинкина мать была уважаемым человеком и очень большим. Так считали все, не только мать. Она работала в сельсовете, куда попасть могли лишь те, кто понравился самому главному человеку в селе. Его к ним прислали из райцентра, чтобы он всеми ими правил. Править он не умел, его часто ругали, но с райцентром не поспоришь. Оттуда же, из райцентра, большие неопределенные люди спускали план на детей и говорили, кого забрать. Кочергой их не запугаешь, и на дом лучше не покушаться, могут уже не в страшный дом отправить, а в тюрьму, которую боялись даже взрослые.

Любка слышала, как тушившие пожар разговаривали между собой, что если ее найдут, то вырвут ей руки и ноги и сдадут в милицию, где ей самое место. После этого она неделю спать не могла, пока обо всем не рассказала матери, успокоив совесть.

«Ты чего натворила, тварь? – испугалась мать. – Подождут самих-то!»

В тот раз Любка верила, что мать бьет ее за дело. Больно было, и чуть-чуть свело челюсть, пока терпела, но не скрутило, как когда били несправедливо. А после, когда мать вымоталась и успокоилась, она-то и объяснила, что есть места, куда собирают насильников, убийц, воров, и всех, кто чем-то кому-то насолил. Увозили туда, согласия не спрашивая, достаточно было, чтобы нарушителя нашли и доказали вину.

С другой стороны, туда не только плохие люди попадали, призадумалась Любка. Взять того же дядю Филипа, который остановил Ванькиного отчима, который собирался зарубить топором его мать. Дядя Филип увидел и заступился. Сама Любка не видела, но Ванька всем рассказывал, как дело было, да и взрослые только об этом и говорили. Когда его отчим бросился с топором уже на дядю Филипа, тот схватил ломик, перекинул с руки на руку и огрел по спине. Теперь Ванькин отчим сидел неподвижно или лежал – ему хлопотали место в доме инвалидов. А за дядей Филипом приехала машина. Из нее вышли люди в форме, спокойные и уверенные, и скрути ему руки. В селе после этого его уже никто не видел.

Но ведь могли сидеть как Ванькин отчим... Изрубят топором, испугалась Любка.

– Надо, Тина, надо. Мы ходатайство написали. Ты его подпиши, – услышала Любка и вздрогнула. – На будущий год заберем. Поживешь маленько по-человечески. Мужика у тебя нет, молись, не молись... Девки твоей не будет, так и найдешь кого, мужики в деревне не перевелись еще. Да только с твоей калекой, кто возьмет на себя такую обузу?

– А Николку куда? – расстроилась мать.

– В садике место освободится скоро. Ты – мать одиночка, тебе льгота полагается. Я слово замолвила, первого сентября можешь отдать его на пятидневку.

– А Любку-то почему не устроила? – упрекнула мать.

– Да кто с ней в садике станет возиться? – всплеснула руками Нинкина мать. – Девка у тебя... Это ж какая ответственность! Она ж потенциально опасная, неполноценная! Семеро подтвердили, чуть не убила Леночку. Ой, Тина, как ты не понимаешь, жизнь проходит! Кому ты с большим прицепом нужна? Мы помочь хотим. Там и накормят, и оденут, и обуют.

Ну да, не поверила Любка. Нынче туда троих увезли! Двое не вернулись, некуда было, мать умерла, а Васька, у которого мать только родительских прав лишили, сбежал. Он рассказывал, какие там заборы и колючая проволока. Сорок километров пешком шел по лесу, чтобы домой добраться. И как обижают, рассказывал: ставят на горох на ночь, на холодный пол, и

письма проверяют, и еще старшие ребята бьют. А тех двоих там уже нет, их куда-то в другое место увезли, откуда уже не возвращаются.

«Нинку свою отправь, бессовестная!» – мысленно взвела Любка. Она вдруг почувствовала, что земля уходит из-под ног. И сделать уже ничего нельзя – мать фактически согласилась! Такой обиды, боли и ненависти она не испытывала, даже когда мать волокла ее за волосы и катила пинками по улице, и хлестала вицей, когда она ушла с ребятами на ферму и забыла, что скоро матери на работу, и что надо сидеть с Николкой.

Просто забыла, с кем не бывало?

Но матери не объяснишь...

Больно как! Любка согнулась, пытаясь вздохнуть, не успев отскочить от двери, которая раскрылась.

– Ой, Любонька, я тебя задела? – встревожилась Нинкина мать.

– Перебесится! – бросила мать, грубо оттолкнув ее.

Любка с силой вдохнула воздух и взвела, не скрывая своего ужаса, хватая мать за подол:

– Мама, не отправляй меня, я все-все сделаю, только пожалей меня!

– Перестань устраивать концерт, никто тебя никуда не отправляет! Не решено еще ничего!

Она холодно взглянула и угодливо посеменила за Нинкиной матерью, провожая ее до калитки. Любка бросилась за матерью с воплем, заметив, что Нинкина мать уходит, даже не оглянувшись.

Мать схватила ее за волосы, останавливая, запихнув на мост, закрыла за собой дверь.

– Мама, не отправляй меня! Пожалуйста... – бросилась Любка на дверь, колотя в нее кулачками и задыхаясь.

Вот! Добилась! Избавлялись от нее! И все теперь будут думать о ней, как девочке, которая не нужна никому... А Нинка осталась хорошей!

Пережить такое мог не каждый!

Бежать...

Непослушными руками, на подогнувшихся коленях, Любка вытащила из ящика плетеную корзинку, сунула булку хлеба, нож, схватила теплую куртку и вылезла через открытое окно в огород. Картофельная ботва укрыла ее надежно. Она ползком пересекла открытый участок, достав до межи, на которой росли черемухи и смородина. Тут поднялась, передохнув, и, скрываясь под густыми ветвями, выбежала на открытое колхозное поле, куда они ходили за горохом.

У леса Любка остановилась, спохватившись, что пока бежала, хоронясь от взглядов, не подумала, что идет не туда. Если в лес, то обычно ходили за речку, за фермы, там и тропинки с дорожками, и сенокосы, и малинники, и рябинники на месте старых деревень, от которых остались одни холмики. Да и всегда кого-нибудь встретишь. Всегда встречали, когда мать брала ее с собой по грибы. А еще ребята в той стороне по вечерам жгли костры.

Лес через ветви выглядел дико и сумрачно.

Этой стороны побаивались, здесь и грибы не водились, и место слыло нечистым. Поговаривали, что где-то здесь проходил колчаковский тракт, и было: с одной стороны – белые, с другой – красные, а с третьей – зеленые. А село – раньше это была деревня, селом она стала потом, когда срослись между собою три деревни, – посередине. И кто-то нет-нет, да и находил на тракте оружие и кости неуспокоенных покойников, которые казались людям. И все верили, что где-то здесь похоронен колдун. Раньше в деревне их было много, они сюда бежали еще во время крещения Руси, передавая знания кому-нибудь одному вместе со своею силой, и скрывались ото всех, никогда не признаваясь о себе в открытую. Никто не сомневался, что тот колдун перед смертью зарыл клад, в который положил свою колдовскую книгу. Любка не раз с замиранием сердца слушала такие истории от своего дядьки Андрея. И не ей одной, уж на что

Сережка и Лешка – большие уже, один ходил в седьмой класс, а один в четвертый, и на покос их брали, и коров пасти, – а и то было страшно. Особенно, когда дядя Андрей рассказывал, что напугался сам, когда увидел закрученную воронку, которая появилась из неоткуда и остановилась метрах в трех, а потом понесла лошадь, когда вдруг встал на дороге человек, закрытый в черный плащ, скрывая лицо под капюшоном.

Здесь могли быть и дикие звери. Зимой на ферму напали волки. И сторожа с ружьями не смогли волков остановить, перепугавшись насмерть и закрывшись у себя в каморке. Они перегрызли горло почти всему стаду. Перед этим в соседней деревне они же извели отару овец.

Правда, никто толком объяснить не смог, чего коровы делали зимой на улице в загоне, да еще ночью.

За волками отрядили целый отряд охотников, которые прилетели на вертолете. На него все ребята бегали посмотреть. И она. Вертолет она тогда увидела впервые. Но волки на время охоты куда-то ушли, достали только двух лосей, двух рысей и трех кабанов.

Егеря дядя Матвей после ругался, что не охотники это были, а банда браконьеров, и что не волки на коров напали, а оборотни, потому что волкам никогда в жизни не открыть ворота, чтобы выгнать привязанное на цепь стадо в открытый загон.

Конечно, в оборотней никто не поверил, а волков с того времени побаивались, в лес по одиночке не ходили. Еще деревенским собакам поставили прививки от бешенства.

Любка переминалась с ноги на ногу, не решаясь покинуть поле. Огороды были отсюда недалеко, их огород с краю, поэтому вернуться было еще не поздно. Но стоило Любке вспомнить, что все для нее закончится плохо, ноги сами собой шли в сторону леса. Возвращаться было никак нельзя, это означало бы, что она признала поражение.

Она осмотрелась.

Если идти вдоль опушки, то можно обогнуть село, добравшись до фермы, за которым лес был знакомый.

Затягивая время, Любка набила карманы горохом. Поела, пытаясь успокоиться. Здесь он был крупным и еще зеленым, садили его поздно. Мысли были тяжелые, она уже пожалела, что не захватила веревку, чтобы уйти из жизни навсегда.

Вешались в их деревне часто, нет-нет, да и повесится кто-нибудь. Однажды за огородами они нашли кучу полезных вещей – посуду, открытки, толстенную косу, сплетенную из красивых ниток для вышивки, флакончики с духами и книги... Перед тем, как повеситься, тетенька вынесла все самое ценное из дома и сложила за огородом. Сама она была не местная, откуда взялась, никто не знал. Зря, наверное, взяла косу из ниток, может, из-за того ей не везет, что покойница вредит?

Страшно, а какой смысл жить? Кому она нужна?

Любке было обидно. Как она могла испортить кому-то жизнь? И зачем матери кто-то еще нужен?

Любка тяжело вздохнула – она часто мечтала, чтобы у нее был отец, как у других детей. Их с матерью родной отец сразу бросил, как только понял, что она лежащая больная, а еще глухая и слепая, какой была до четырех лет. Разве могла она после такого не простить мать и поверить, что не любит ее?

И не знала, как объяснить внезапную перемену.

Оказывается, чтобы сбежать из дому, надо было быть очень смелой, как Мишка, сбежавший из детдома...

Она с ожиданием всматривалась в очертания своего дома, почти полностью скрытого черемухами. Там пока было тихо и спокойно, никто ее не искал и не собирался. От этого становилось еще горше. И делалось жутковато, когда смотрела на лес. В верхушках деревьев метался ветер, будто угрожал. Ступить под сень деревьев она не решалась. Мысли были разные, была среди них и такая, чтобы набрать грибов и вернуться. Грузди в этом году уродились, а вдруг

найдет? А после не бежать никуда, а повеситься в стайке. Там был крюк, на который вешали зарезанных овец, и веревка – ею привязывали в огороде барана. Жалко было себя до слез, но другого выхода она не видела. Вот и спички не взяла! А как зиму в лесу пережить без спичек?

Но, главное, чтобы мать поняла, как ей без нее плохо...

Любка верила, она обязательно пожалеет, что ее нет рядом!

Она прошла немного в одну сторону, потом в другую. И внезапно заметила едва приметную дорогу, которая появилась прямо в том месте, где она остановилась первый раз. Любка немного удивилась. Дороги вели во всех направлениях, но начинались от деревни, а эта, в чистом поле...

И тут же обругала себя. Дорога была, только шла она по краю опушки, просто не сразу заметила ее из-за своего маленького роста и высокой травы.

Значит, люди здесь бывают...

Любка успокоилась.

Не раздумывая, углубилась в чащу, понимая, если вернется с пустыми руками, только насмешит всех своим побегом. Перед смертью она решила сначала поквитаться с Нинкиной матерью, которая испортила ей жизнь. Как, она пока не знала, но в запасе у нее был еще целый год. За год могло многое случиться. А вдруг выяснится, что ее на самом деле подменили и найдутся настоящие родители? И тогда Нинкина мать будет ползать у них в ногах, вымаливая прощение за то, что собиралась отправить ее в страшный дом!

Чем дальше в лес, тем приятнее становилась Любкина мечта. Она почти забыла, что сбежала из дому...

Дорога стала ровной, как будто ее кто-то специально подсыпал песком и камушками. Таких дорог вокруг ее села больше нигде не было. А когда лес внезапно оборвался и снова начались поля, она обрадовалась, немного удивившись. Не иначе, пересекла границу района – она как раз была где-то в этой стороне, и где-то там впереди еще одна деревня. Теперь Любка торопилась, собираясь попроситься к кому-нибудь на ночлег, не забывая следить, чтобы не встретиться со смерчем, с черным человеком, или с привидениями.

– Девочка, ты чья? – вдруг услышала Любка позади себя. – Как ты сюда попала?

Любка, лишившись голоса, оглянулась и испуганно попятилась, увидев, что перед нею стоит тот самый человек в черном плаще. Только капюшон его был откинут. Его длинные седые волосы падали на плечи, а сам он был высок. Таких людей она в жизни не видела. Он не походил ни на одного знакомого, и одежда была другая, никто такую не носил. Но смотрелось красиво. Местами плащ был зашит белой ниткой, как будто специально выбрали ее, чтобы было видно, что плащ порвался.

И испугалась еще сильнее, когда наткнулась спиной на руки, которые придержали ее за плечи.

Она отпрыгнула, как ужаленная, порываясь бежать, но женщина в таком же ниспадающем, но белом плаще, с длинными черными распущенными волосами, подхватила ее и поставила рядом с собой, взглянув с задумчивостью.

– Мы могли предполагать, что дорогу кто-то найдет, – произнесла она с тревогой.

– Не думаю, я вижу ее ауру, ее почти нет, кто-то сильно потрудился, чтобы ужалить ее, – расстроился мужчина, заглянув в Любкины глаза.

От его пронзительного взгляда, который сразу заставил ее выпустить из виду часть мира, ей стало холодно. Наверное, он был колдуном или нечистой силой. Глубокие и зеркально черные, как омут, глаза, словно бы заглянули в самое сердце.

– Ты угадала, – вдруг засмеялся мужчина и, обратившись к женщине, произнес с удовлетворением. – Жена, ты, безусловно, нашла клад!

Женщина склонилась над Любкой, поиграв ее вздрагивающей ладошкой. Вздрагивали руки не от приступа, так ее руки всегда тряслись, Любка не обращала на это внимания. Но когда она держала руки перед собой, амплитуда быстро нарастала, и через несколько секунд их начинало корчить, загибая и пальцы, и сами руки, которые сразу после этого становились как плети. За ними она переставала чувствовать губы, челюсть и ноги. Не больно, просто неудобно и сильно заметно со стороны. Люди почему-то думали, если руки дрожат, человек обязательно в уме глупее его самого.

Любке стало стыдно за руки, и она их спрятала, выдернув из теплой и мягкой ладони женщины.

Женщина Любке понравилась, упасть перед нею в грязь лицом не хотелось, и теперь она думала только о том, чтобы продержаться.

– Славная девочка, умница...

Любка покраснела. Умницей ее никогда не называли. Наверное, умницей она все же не была. И когда эти двое узнают, что о ней думают в деревне, получится, что она их как бы обманула.

– Нет, – с досадой призналась Любка. – Я еще в школу не ходила...

Про школу-интернат, о которой уже все было решено, она решила промолчать. Ей стало так стыдно, будто ее обман уже раскрыли.

Мужчина и женщина переглянулись и засмеялись.

Любка смутилась. Наверное, они догадались. Как же их убедить, что она не то, что о ней думают?

– А я писать умею, – похвасталась она, радуясь, что есть возможность проявить свои знания. Она присела, смахнув предательски вытекшую изо рта слюну, и начертила на песке ту самую букву.

– А какая это буква? – мягко улыбнулась женщина, присев рядом.

– Не знаю, – призналась Любка, тяжело вздохнув. – Мне никто не сказал.

– Мы тебе верим, – произнес мужчина, внезапно заболел вместе с нею.

Любка испугалась. Руки у мужчины скрючились, из оскаленного рта потекла слюна, голова его вздрагивала, а глаза стали дикими и озлобленными. И на мгновение ей показалось, что волк стоит перед нею. Очень большой, черный, обросший шерстью. Любке стало жутко и холодно.

Так она... так страшно она выглядела?

Но мужчина внезапно прекратил болеть, сбрасывая с себя покрывало волчьего облака.

– Ты думаешь, я стал глупым? – рассмеялся он. – Рано или поздно болезнь уйдет, возможно, насовсем. Но люди, которые смеются, останутся такими до конца своих дней. Им уже не поможешь.

Он вдруг легко подпрыгнул, перевернувшись в воздухе и приземлившись на обе ноги. Усмехнулся, взглянув на нее лукаво, пробежал по воздуху, а следом, вскрикнув ободряюще, подпрыгнула и пробежала по воздуху женщина. И, обнявшись с мужчиной, закружились в вихре какого-то дикого танца.

На этот раз Любка смутилась от множества нахлынувших на нее чувств. Она стояла, замерев, и смотрела на мужчину и женщину, не мигая. Конечно, они были добрыми. Хотелось идти за ними, куда глаза глядят. Полям, лесом...

Наверное, у нее родители были такие же...

Где-то недалеко была их деревня, с несколькими домами из белого камня, и белые лилии в пруду, по ночам падали звезды и приходили в гости странные и непохожие на людей существа, а прямо под ногами клад...

А как же мать? Николка? Пропадут они без нее... внезапно расстроившись, спохватилась Любка. Она уткнулась взглядом в землю, внезапно обнаружив, что и мужчина и женщина стоят рядом, как будто не кружились только что, и даже не покидали то место, где она их видела.

– Ты очень любишь маму? – мягко поинтересовалась женщина, погладив ее по голове.

Любка молча обреченно кивнула.

– Но она все время слушает злых людей, – посочувствовал ей мужчина.

Любка снова молча кивнула, сунув в карманы руки, которые сразу стали лишними, пнув носком ноги корзинку, в которой лежали хлеб и нож. Как же он догадался? Наверное, следовало угостить их горохом, рассудила она, заметив лопух с большими листьями. И повеселела, склонившись над корзинкой. Для таких хороших людей не жалко. Она достала хлеб, выгребая горох, положила все это на лист лопуха, присаживаясь на корточки.

– Я резать не умею, – она протянула нож и хлеб женщине. Мужчина вызывал у нее странное чувство тревоги и смущения.

– Наверное, мы тоже должны тебя чем-то угостить... – пробормотал мужчина. – Но мы ничего с собой не взяли.

– Нет, нет! – замахала руками Любка, отказываясь. – Я не хочу кушать, я поела... там, в поле...

– А вода? Вода нам не помешает, – решительно произнес мужчина, протягивая Любке свою фляжку.

– А вы какой клад нашли? – поинтересовалась она. – Который колдун спрятал? Черную книгу?

Женщина засмеялась, снова переглянувшись с мужчиной, который жевал неторопливо тоненький ломтик.

– Много-много колдунов! – усмехнулся мужчина. – И приставили к кладу страшное чудовище, который охраняет его днем и ночью. И забирает всех, кто кладу дорог. Заметь, переживают теперь, как вернуть эту книгу назад.

– А зачем тогда они ее закопали? – удивилась Любка, сильно желая взглянуть на клад хоть одним глазком.

– Не знаю, наверное, испугались, что сила той книги выйдет наружу, а они не смогут ею управлять.

Любка взяла еще один кусочек хлеба, пошулушив гороха, стараясь не сильно показывать свои руки. Руки грязные, но мыть поздно и негде... У ее новых знакомых руки были такие чистые и белые, как будто они никогда не работали на огороде. А у женщины ногти еще и длинные, покрытие серебристым лаком, под цвет ее плаща.

Любка рассматривала ее ногти во все глаза.

Ясно, что клад ей показывать не собирались. Наверное, на него нельзя было посмотреть и не умереть, если его охраняло чудовище. Обидеться ей и в голову не пришло, и то, что клад достался хорошим людям, только порадовало. Значит, бояться больше нечего.

– А привидения? – по-деловому полюбопытствовала она. – Здесь их много!

– Это выдумка, – не сомневаясь, заверил ее мужчина, немного посолив ей хлеб. – Я здесь часто бываю, никаких привидений не видел! Приведения живут среди людей одну человеческую жизнь. Долгую, конечно, до Страшного Суда. А если было бы не так, то их уже накопилось бы столько, что можно было бы ночью не включать фонари!

Любка засмеялась, лукаво взглянув на мужчину. И то правда! И вдруг заметила, что руки у нее совсем не дрожат, ну ни капельки. Ей стало весело. Пожалуй, она даже собой гордилась. Так с нею еще никто не разговаривал.

И не страшно совсем.

– Значит, нынче пойдешь в школу? – порадовалась за нее женщина.

– Нет, только на будущий год, – Любка снова покраснела, не зная, сказать про школу-интернат, или не говорить пока. Все же, знают они ее недолго. – Но я бы хотела, – призналась она с завистью, так некстати вспомнив про Нинку.

– Да кто может запретить учиться, если человек того желает? – всплеснула руками женщина. – Пойдешь-пойдешь! – подбодрила ее она.

– Пусть только попробуют не взять! – пригрозил мужчина пальцем в небо.

– Там кормят, если кто на продленке, и котлетки дают, – помечтала Любка, вспомнив, какие они бывают вкусными. Тяжело вздохнула. Мать иногда брала ее с собой в магазин, а по дороге заходили в столовую.

– Вот видишь, есть ради чего жить! – согласился мужчина, внезапно приподымаясь.

– Любонька, ну-ка, спрячься за спину! – посоветовала женщина, смахнув остатки еды, сунув корзинку ей в руки. И тоже вскочила.

Любка обернулась и перепугалась на смерть. Прямо на них в вихре, закрученном в смерч, двигалось темное, как облако мрака существо. Сразу стало тревожно и страшно. Ничего человеческого в облаке не было, только очертания, в которых она вдруг почувствовала человека, который как будто скрывался где-то внутри этой тьмы, умея обернуться в кого угодно.

– Кто это? – шепотом спросила она, схватив женщину за руку.

– Голлем, – ответила женщина, мягко освободив руку и выбрасывая огонь. – Чудовище, которое охраняет клад и забирает всех, кто кладу дорог. Теперь он пришел за нами.

Любка подумала, а разве кладу не все равно? Наверное, нет, не каждый мог бы взять черную книгу и остаться в здравой памяти, многие сходили после с ума. Так говорили.

И на глазах стали происходить удивительные вещи...

Мужчина вдруг обернулся в волка, а женщина в волчицу, и после этого они набросились на облако. Борьба между ними завязалась кровавая. Любка внезапно поняла, что волкам не справиться с тем, чего нет, зубы их класали и мимо, но есть, если судить по тому, как оно их избивало.

Могла ли она бросить своих друзей?

С угрожающим криком, Любка бросилась на облако, размахивая корзиной, переборов свой страх.

– Убью! – как мать, только громче, возопила она, врезаясь в облако. – Сунься только, тварь! Сдохни! Сдохни!

И внезапно почувствовала, как будто ее ударило током. А сразу за тем, что-то острое воткнулось в лоб. Но напугать ее этим облако мрака не могло, она бросилась на него снова, вдруг начиная задыхаться – облако лишило ее воздуха. Любка стерпела и это, чуть позже заметив, что два волка грызут врага. Два ее новых друга не были людьми, но ей теперь стало без разницы – они умели читать и писать!

– Уйди! – Любка вытащила из корзины нож, замахнувшись им.

И вдруг стало темно и больно. Так больно, словно она уже умерла. Во лбу, посередине... А еще руки, которые ее держали. Рук было много. Ее как будто вынесли из тела. И кто-то тянул ее, а тело не сопротивлялось, только извиваясь под этими руками.

Любка плыла в невесомости, во тьме, где не было никого, кроме нее. Да и ее как будто не было. Только теперь там были еще двое – мужчина и женщина...

Наверное, она не смогла их от себя отпустить...

И они ей улыбались!

Глава 9

Любка с трудом порвала завесу мрака, вскочила на ноги, изготовившись к нападению. И вдруг застыла, изумленно поворачивая голову в разные стороны.

А некого спасать!

Вот поле с овсом и горохом, и опушка, и село...

Любка решительно не понимала, как такое могло быть! Неужели ей приснилось? В расстроенных чувствах, она прошла взад-вперед, испытывая досаду. Потерла лоб – боль еще была, но не такая сильная, словно там застряла игла.

Получается, не было никаких друзей? Ну, правильно, зачем им девочка, которая никому не нужна?

Но как же, как же так?

И неожиданно в изумлении вскрикнула, а глаза полезли вверх сами собой. Она застыла в недоумении, уставившись на корзинку, полную белых грибов – как на подбор, один к одному, не больше ее ладошки. В эту пору белые грибы уж точно не росли! Она их не собирала, в этом Любка не сомневалась.

Сердце радостно екнуло. Значит, черный морок победили?

Поверх грибов, аккуратно завернув в лист лопуха, положили остатки недоеденного черного хлеба.

И вскрикнула второй раз, обнаружив рядом с корзинкой... – портфель! Такой красивый! Коричневый, с желтыми прожилками, с рисунком на крышке – волчонок с точно таким же портфелем и букетом цветов. С лямками, чтобы носить за спиной. И золотым замочком.

И засунутой под крышку открыткой.

Такого красивого портфеля, наверное, ни у кого на свете не было!

Подумать, что портфель оставили для нее, Любка не посмела. Портфель был тяжелый и толстый. Ей бы прочитать открытку, но читать она не умела. Она повертела головой, выискивая взглядом того, кто мог бы его потерять. На всякий случай, она решила его покараулить, чтобы не украли, походив возле него кругами, не решаясь заглянуть внутрь, не сводя с него глаз, переживая, что он исчезнет так же, как появился. Любка решительно не понимала, кто мог оставить в поле такую драгоценную вещь. Не радоваться она не могла, сообразив, если хозяин не найдется, наверное, она могла бы взять его себе.

Наконец, не удержалась и заглянула внутрь. И ахнула, забыв, как дышать.

В портфеле лежали четыре книжки с картинками и черными буквами, еще пахнувшие типографской краской, точно такие же, как у Ленки и Нинки, целая пачка тетрадей в клетку и в линейку, и счетные палочки, пластмассовые, красные и зеленые, в сиреновом стаканчике, треугольная линейка, закладки с волчатами, которые рисовали, писали, ели сказочный торт, толстенный альбом, набор цветных ручек – три синие, одна красная, одна зеленая и одна черная, резинки, тоже в виде волчат, дневник, который был только у взрослых ребят, и... набор цветных карандашей!

Со всеми цветами!

Любка уже вообще ничего не понимала! О таких карандашах даже не мечтали! Их многие выписывали по почте по каталогу, но каждый раз приходили только шесть карандашей, а про остальные писали, что их уже давно нет, и в ближайшем будущем не предвидятся. А тут кто-то бросает портфель, да еще с карандашами, уложенными в коробку в три ряда, со всеми цветами, которые не придумать, в поле! И кто?

Уже наступил вечер, а за портфелем никто не шел! Здесь была только она и...

Любка вскочила. Ее внезапно осенила мысль, что портфель оставили ей!

Наверное, волшебники не знали...

Знали, вспомнила Любка, она им сказала, что до школы ей еще целый год...

Надо бы сказать «спасибо!».

Не раздумывая, она кинулась к тому месту, где начиналась дорога. У нее было столько вопросов!

Тут...

Любка застыла в недоумении, озадаченно нахмутив лоб, позволив себе пустить слюну, даже не пытаясь ее удержать во рту. Никакой дороги не было. Лес стоял ровно стеной, с мелким подбельником, через который и не пробраться. И высокая некошенная трава по краю...

Она молча взвыла и развела руками, переживая, что больше никогда не увидится с волшебниками. Оттого, что они ушли раньше, чем она проснулась, Любка испытала горечь, досаду на саму себя, понимая, что каждый день будет жалеть, что не спросила, как их найти... А они будут думать, что она неблагодарная и невоспитанная девочка. Еще она так разволновалась при встрече, что совсем забыла спросить, а какая она, колдовская книга, и кто такой Голлем, и не показала, что еще умеет считать по пальцам до десяти, и что, например, плюет на два шага, и несколько раз переплывала пруд, а еще совсем не боялась пиявок, а только таких жуков, у которых длинные усы...

Когда Любка пришла чуть-чуть в себя, на всякий случай, а вдруг она ошиблась и это не то место, прошла вдоль опушки далеко вперед, и далеко назад. Из всех сил она старалась казаться себе храброй, но, когда начались потемки и отовсюду поползли тени, ей стало страшно. Теперь на лес, который стал как-то нехорошо шуметь, будто ругался, Любка поглядывала с опаской. Он был высокий, как три дома, если их поставить друг на друга. Теперь уже и листья стали не видны, а только темное пятно, как тот морок, что напал на них. В лесу она одна еще никогда не оставалась.

Когда в лесу кто-то застучал и затрещал, нервы у Любки сдали. Она подхватила корзинку и портфель и со всех ног бросилась через поле к огороду, где было еще светло. Не то чтобы день, но синий сумрак, когда еще все-все видно.

У огорода она остановилась, заметив неподалеку от колодца нескольких человек. Мать, мать Нинки, тетя Рая, дядя Андрей, Сережа, И дядя Егор. Тетя Рая частенько заходила в гости и приносила с фермы молоко, ее Любка уважала. У дяди Егора и тети Зины, которая работала заведующей в детском саду, не было детей. Они, конечно, любили Нинку и Ленку, но иногда болтали о том, о сем и с нею. Они жили через три дома. Любка обрадовалась: при дяде Егоре мать, наверное, бить ее не будет. И Сережа тоже тут. Он уже учился в седьмом классе – слушаться его, Любка не смела. Сережа тоже за нее заступался. Но дойдя до черемухи, которая закрывала ее от их взгляда, Любка сразу почувствовала надвигающуюся грозу. Лица у всех были озабоченными.

Она села под черемуху, не решаясь обнаружить себя. Мать держала в руках вицу.

– Вот где ее черти носят? – услышала она голос матери. – Любка! Любка! – закричала она.

– Тина, – строго произнес дядя Егор, – не пугай ты ребенка еще больше... Нормальная девка у тебя, даром что больная. Церебральный паралич у нее, не лечится, но живут с ним.

– У хороших людей не болеют, – мать махнула рукой. – Умерла бы, дак ведь не умирает! Башки-то совсем нет. Ох, придет она домой! – в сердцах бросила она.

Любка мелко затряслась, уж какое-какое, а такое обещание мать обязательно выполнит!

– Кончай ты! Откуда здоровье, если колотишь ее каждый день? Если у тебя жизнь не задалась, девке-то на что ее портишь? – поддержал дядю Егора дядя Андрей.

– Мы с Раяй пойдем в эту сторону, а вы в эту... – предложил дядя Андрей. – Надо еще на пруду проверить. Если приступы, поди, утонула?

– Прячется где-то, чувствую я, – процедила Нинкина мать. – Надо бы, надо бы ремнем-то поучить! Нас всех учили, от этого здоровее и умнее только становились. Моя Нина никогда

себе такое не позволит, я ее в строгости держу. Она и приберет, и посуду помоеет, и приду домой, а она: мама, мама, давай я тебя накормлю!

– Пойду я, дверь закрою... Изба у меня открытая осталась, – проговорила тетя Рая, с недовольным лицом взглянув на Нинкину мать, потом на мать, которая после слов Нинкиной матери с завистью вздохнула. – А про «утонуть», ты это даже не пугай раньше времени! – она повернулась к дяде Андрею. – Хорошо она, Тина, у тебя плавает! В прошлом году, под снег уже, на ферму идем с бабами, а она в пруду сидит... От воды пар, холодина, приказали ей вылезать, а она хохочет. Заплыла на середину, там, где омут, и ну давай нырять! Мы уж хотели мужиков на подмогу вызвать. Вот за это надо бы... – согласилась тетя Рая.

– Ой, не знаю, поди, заблудилась? – предположила мать.

– Где? Чего ей в лесу-то делать? – рассмеялся дядя Андрей. – Понятно, что прячется.

– Да ладно вам переживать-то! – пренебрежительно покривилась Нинкина мать. – Куда она денется? Есть захочет, сама прибежит! Если, Тина, булку хлеба с собой утащила, ей теперь самое время погулять! Ну, в интернате-то строгая дисциплина, их там жизни учат! Хоть как-то людей из них делают, у тебя из нее воспитать человека уж не получится.

– Поди, в колодец провалилась? – прослушав Нинкину мать, думая о чем-то о своем, предположила мать. – Ну придет она у меня! Всыплю так, чтобы кожа слезла!

– Нет ее там, я уже смотрел, – ответил Сережа.

– Ты наоборот кричи, – посоветовала тетя Рая. – Я бы тоже не вышла, если бы мне обещались шкуру спустить!

– Любка, выходи, не трону! – тут же пообещала мать. – Я ведь знаю, ты где-то тут, не доводи до греха!

Любка испугалась, обгрызая уже до мяса обгрызенные ногти. Ей и в голову не могло прийти, что мать будет искать ее не одна. Наверное, и бить теперь будут все и сразу.

– Люба выходи, мы не дадим маме тебя обидеть! – пообещал дядя Егор.

Сережик рассмеялся. За ним засмеялись остальные. Незлые.

Любка немного осмелела, вышла из-под черемухи на тропинку, на всякий случай, приготовившись бежать.

– Ну вот, я же говорил, тут она! – махнул рукой дядя Егор.

– А это че у нее? – приблизилась мать, с удивлением рассматривая корзинку. – За грибами ходила? Одна?

– Ну ни фиги себе! – присвистнул Сережа. – Любка, ты где столько грибов надыбала?

Изумление было написано на всех лицах. Наверное, не будут бить, успокоилась Любка, на всякий случай, не доходя до взрослых.

– Там, в лесу, – кивнула она, попятившись, не давая окружить себя.

По опыту она знала, от взрослых не пойми, что ждать. Мать вроде добрая, а потом хрясь, и подзатыльников надавала, или отстегала вицей, а то и того хуже, приложила поленом, припомнив то, о чем она и думать забыла. За грибы она испытала гордость. Наверное, не стоило говорить, что собирала их не она, но Любка была честная, этим она тоже гордилась.

– Мне их тетенька с дяденькой дали... – она задумалась, наморщив лоб. Не давали, просто лежали в ее корзинке. – Наверное... – добавила она на всякий случай.

– Что значит, «наверное»? – дядя Андрей заглянул за спину. – Ты где это взяла?

– Там! – Любка махнула в сторону леса рукой, сообразив, что ей никто не поверит. Портфеля в лесу быть не могло.

– Ну не ври! – рассердилась Нинкина мать, зачем-то потянувшись к портфелю. – Украла?

Любка отскочила, как ужаленная, не давая ей дотронуться до того, что уже считала своим.

– Мне дяденька с тетенькой дали! – упрямо и твердо повторила она.

– Кто тебе дал? Кто мог дать? Че ты врешь? – не поверила мать, рассердившись. – Я тебе сейчас башку сломаю, если не скажешь, где взяла! Украла? Надо вернуть!

Любка пожалела, что не спрятала портфель. Теперь заберут.

– Да подожди ты на девку орать! Здесь записка... в открытке. Любви Ветровой... Фамилия твоя, имя Любкино.

– Че, может, правда дали? А как? – растерялась мать, разволновавшись.

– Ну... ей до школы еще год... Скорее всего, это Нинке моей? – предположила Нинкина мать. – Или Леночке? Она тоже в первый класс идет... Перепутали?

Такой откровенной наглости и жадности Любка стерпеть не смогла. И мать запросто отдаст!

– Нет, это мое! – чуть не заплакала Любка от обиды. – У Нинки и у Ленки уже есть! И папы у них есть, а у меня нет родителей, меня подменили!

Мать не нашлась что сказать, открыла рот и промолчала. Остальные удивленно посмотрели на Любку и закачали осуждающе головами.

– Люба, ты зачем такие некрасивые слова говоришь? – воскликнула тетя Рая. – Маму пожалей.

– Она знает! – упрямо ответила Любка, вцепившись в ляжку портфеля, чтобы никто не стянул.

– Ну, совсем, Тина, она у тебя дура! – покрутила пальцем у виска Нинкина мать.

– А че дура то, чего услышала, то и сказала, – внезапно произнесла мать, с удивлением взглянув на Любку.

– Видишь, адрес стоит... – дядя Егор ткнул открытку под нос Нинкиной матери. – И подпись: от дома инвалидов!

– Ну-ка! Ну-ка! – торопливо выдернула мать открытку из его рук. – А чего не зашли? Это они вспомнили про девку мою! – обрадовалась она. – Она с ними лежала... Или врачиха! Точно, врачиха... она ее еще все время «синичкой» называла, больно, говорит, глаза голубые, глаз таких сроду ни у кого не видела.

– Или вместе скинулись, – предположил дядя Егор.

– А можно посмотреть? – с уважением попросил Сережик.

Любка обрадовалась. Может, и правда от дома инвалидов передали. Она сразу же сняла портфель и по-хозяйски раскрыла его, вытаскивая содержимое, раскладывая на несколько кучек. Теперь это все было ее, на законном основании.

Над кучками склонились, перебирая их.

– Ох, какие карандаши! – приторно-елейным голосочком проворковала Нинкина мать. – Я такие выписывала, ответили, что нет пока. Продай мне, – тут же повернулась она к матери, – я заплачу, а ты попросишь, пусть тебе еще купят! Ей до школы целый год... Они там по благу достают, че им в городе-то не купить?

– Это мое, и не год... Я нынче пойду! – уверенно заявила Любка. – Они проверят! – пригрозила она.

– Маленькая еще! – засмеялась Нинкина мать. – Ты в другую школу пойдешь! Там учатся такие дети, которые наравне с нормальными детьми программу усвоить не могут.

– Сама ты дура и Нинка твоя дура! – закричала на нее Любка, внезапно разозлившись. – Она, ат, ребенка тебе скоро принесет в подоле!

Мать больно стукнула Любку кулаком по голове.

– От девочек что ли? – рассмеялась натянуто Нинкина мать, заметно покраснев. – Придумывает... Ой как придумывает! И не стыдно говорить такие слова?

– От мальчиков, – поддержал Любку Сережик. – Все время в папки-мамки с письками играют, и эту с собой зовут.

– Вот я тебе вицей-то по голому заду! – пригрозила мать. – Ишь, чего придумали! А ну как вправду в школу записали, а я и не знаю? – спохватилась она.

– Ну, поздравляю, – похлопал ее по голове дядя Андрей.

– Да не смешите, как она будет учиться? Она же весь класс за собой назад потянет... Чего вы ненормального ребенка слушаете? – вмешалась Нинина мать, возмущившись.

Любка почувствовала себя виноватой, в школу ее никто не записывал, даже волшебники с этим согласились. Но тут же приободрилась, услышав, как тетя Рая, которая молчала до сих пор, поддержала ее.

– Мои оболтусы тоже тянут, и ничего! Кому надо, поднимет. И не надо всех равнять по одной голове. Мы еще посмотрим, как твоя Нинка учиться будет, не загадывайте наперед... Испортить человеку жизнь всегда успеете! Че, Любка, на грибы позовешь?

– Ой, ой, ой! – подбоченившись, произнесла Нинкина мать. – Ну да ладно, это вы сейчас не понимаете, а когда начнет учиться... Ваши бы слова, да богу в уши!

Она фыркнула, через соседский огород, напрямки, направляясь к себе домой. А Любка с благодарностью кивнула тете Рае.

– Приходите! – выдохнула она с облегчением.

– Ой, какие грибы хорошие! – перебирая, умилилась мать, пока Любка складывала свои сокровища в портфель. И тут же расстроилась. – Если Любка в школу пойдет, с кем я Николку-то оставлю? Теперь его в садик, поди, не возьмут? Уж надо было продать ей карандаши...

– Почему не возьмут? – удивился и нахмурился дядя Егор. – Ты же заявление писала?

– Писала, да кто ж меня слушать будет?

– Садик колхозный, а не сельсоветский... – хмыкнул дядя Егор. – Там нынче две группы кое-как набрали. Зинка заведующая, чего к нам не пришла? Давно бы в ясли ходил, а Любка в детский сад. Ты ж одиночка, тебе даже платить не надо! Только пятидневка для колхозных детей. Но если с председателем поговорить, может, разрешит... Ему какая разница десять там или одиннадцать...

– Да-а? – удивилась мать, уставившись в то место, где скрылась Нинкина мать. – Мне никто ничего не говорил! Да ладно, хоть бы так, на день!

– А кто тебе должен говорить? – рассердился дядя Егор. – Иди да спрашивай! Ладно, я пойду, а то меня Зинка потеряла.

Дядя Егор и дядя Андрей ушли, а за ними тетя Рая и Сережик.

– Спасибо, что помогли! – крикнула мать вслед, забирая у Любки корзинку с грибами и портфель.

Любка вышагивала за матерью гордая, как первоклассница. «Мир не без добрых людей!» – с теплыми чувствами думала она. Насчет «повеситься», это она поторопилась. Пусть теперь Нинкина мать локти себе кусает! Если ее возьмут в школу, то в страшный дом она ни за что не поедет, незачем.

Она тяжело вздохнула, тут она как бы всех обманывала. И если выяснится, что она все это выдумала... Вот уж будет у Нинкиной матери радость, когда она опозорится перед всеми! И у Нинки! «Это я потом решу, когда видно будет, что к чему!» – успокоила Любка свою совесть. До школы оставалось полторы недели. На исправление упущений и пробелов ей было отпущено не так уж много времени. «Надо как-то подготовиться к школе...» – нахмурившись, наказала она самой себе. Чтобы не сразу поняли, что у нее нет права ходить в такую, в которой всему учат.

И с теплотой вспоминала волшебников, о которых, что волшебники, она решила при всех не говорить. Все равно бы не поверили. А то, что они были самыми сильными волшебниками, Любка не сомневалась. Они круто перевернули ее жизнь, исполнив самые заветные мечты.

Глава 10

Первого сентября Любка встала ни свет, ни заря. Помогла матери собрать Николку в садик, поторапливая ее, переживая не столько за Николку, сколько за себя. Детей там принимали с семи до восьми, а уроки в школе начинались ровно в девять. Мать в школу звонила, Любки в списках не оказалось, но Любка решила рискнуть. Придет и будет учиться, а там будь, что будет. Портфель у нее был, и учебники, и даже платье. Целых три! И даже белый фартук! Конечно, не такой красивый, как у Нинки – ей сшили из гипюра, ажурный, на заказ, с карманами и аккуратными оборками на лямках, зато цветные карандаши ей так и не достали.

Платье купили в сельповском магазине. Шли не за платьем, а за курткой, куртка совсем прохудилась, рукава едва прикрывали локти. А еще за одеждой для Николки, чтобы ходить в садик.

А платье...

Платье, не иначе, снова по велению волшебников – видимо, заколдовали всех людей. Таких сильных волшебников Любка в жизни не встречала!

– Что, в школу-то нынче твоя пойдет? – широко улыбнулась им обрадованная скучающая продавщица. – Платье на девку посмотри, ты ведь еще ничего не купила.

– Да кто вам это сказал? – с досадой поморщилась мать. – На будущий год только. А Николке бы чего-то купить, ему в садик.

– Тина, бери, – посоветовала продавщица. – Мы со склада взяли, как неликвид. Нынче целый вагон форму для школьников привезли, а старый товар и половину не продали. Теплые, как раз на зиму. Обязательно их в школу носить? – всплеснула она руками. – Я своей все время покупала дома таскать. И куртки есть с уценкой, добрые, там пуговица оторвалась, там швы кривые, там затяжка или пятно грязное... Списывали все подряд. И на Николку одежды навалом. Товар вчера только привезли, не разобрали еще до конца, я по оптовым ценам продам. В обед на учет закроемся, после уже не купишь. Я тоже одна ребенка воспитываю. Крутиться не будешь, хрен кто поможет!

Любка затаила дыхание, испытыв перед тетенькой за прилавком благодарное благоговение. До прилавка она доставала головой и видела, какими сокровищами продавщица владеет. В первом отделе вдоль одной стены на полках лежали разные продукты, на которые они с матерью могли только с завистью смотреть. Вдоль другой всякая бытовая мелочь – канцелярские принадлежности, майки, плавки, чулки, дорогие рубашки и платья, которые нельзя было вывесить во втором отделе, ткани, клеенки...

А во втором отделе, который был не меньше первого, вдоль одной стены на полках была разложена разная обувь, вдоль задней – бытовая химия, ведра, веники и прочие нужные в хозяйстве вещи, по середине – три длинных ряда с одеждой с той и с другой стороны. Чего тут только не было! Куртки, пальто, брюки, платья на детей и на взрослых.

Любка до ужаса любила ходить в этот самый большой в селе магазин и придумывать, что все, что ей нравилось, у нее уже есть.

Тетенька вышла из-за прилавка, взглянула на часы и закрылась. Потом прошла во второй отдел, проводив мать в самый дальний угол. Школьных платьев там было видимо-невидимо. И большие, и маленькие, и уже с надетыми на них фартуками.

Мать взглянула на ярлык с зачеркнутой ценой и надписанной сверху ручкой, изумленно взглянув на продавщицу.

– Я думала, они дорого стоят. Что, правда такие дешевые? Тогда я ей на будущий год еще возьму, а то, поди, подорожают. А на меня есть?

Продавщица фыркнула.

– А я что говорю? У меня сватья там работает. Позвонила, что товар списывают, мы позавчера весь день караулили. Плюнь, мы здесь для проверяющих повесили. Пошли в склад. Я тебе кое-что привезла!

– Ой, Маша, ты-то после дома инвалидов вон как хорошо устроилась, а я на двух работах полы мою, а в кармане пусто, – позавидовала мать.

– А ты иди к нам, подучу, будешь торговать, – позвала тетенька.

– А когда? – обрадовалась мать. – Хорошо бы!

– С понедельника и выходи. Мы тебя пока техничкой оформим, а после, когда Галька уйдет в декрет, возьму сменщицей.

– Что-то мне страшновато... – призналась мать. – Образования нет, четыре класса всего. А как без него? Документов у меня нет.

– У меня тоже не было, научилась! – отрезала продавщица. – Сюда кого попало не возьмешь, а тебя я знаю. Считать, писать умеешь.

Оттого, что мать будет работать в таком месте, Любка сильно загордилась, даже как будто почувствовала себя хозяйкой, разглядывая товар уже с непраздным любопытством. Это была ответственная работа. Пожалуй, придется все дела по дому на себя взять. «Справлюсь! – решила твердо Любка. – Главное, забор поправить!»

На складе товара было еще больше. Здесь полки были большие и до самого потолка на всю длину магазина. И за месяц не налюбишься! И такой, который на прилавки никогда не выкладывали, а продавали только по записи. И мать, и Любка пережили настоящий шок, перебирая в руках махровые полотенца, верблюжьи одеяла, рассматривая стиральные и швейные машины, примеряя обновы...

Набрали много и всего. И на лето, и на осень, и на зиму. И Николке, и матери, и Любке.

А еще добрая тетенька записала мать в журнал впереди всех в пустую строчку, как будто она тоже стояла на очереди, продав ей швейную машинку в долг. Потом подправила запись в другом месте, пообещав, что со следующего привоза пусть готовит деньги на стиральную машину. От телевизора, как у дяди Андрея, мать пока отказалась, стоили они дорого, целую зарплату и еще полмесяца. Мать пожалела, что по совместительству за ту же работу платили в половину меньше, а то бы она быстро расплатилась. Тетенька ее успокоила, сказав, что жить при магазине можно, если держаться друг за друга и помогать.

Потом тетенька кому-то позвонила. Пока пили чай, приехал бородастый дяденька на лошади, который возил в магазин хлеб из пекарни и молоко с фермы, и тетенька попросила его отвезти мать и Любку до дому.

Такой счастливой Любка мать никогда не видела. Значит, она тоже иногда придумывала, что у нее все есть. Обновы разложили на три стопки, перемеряли и уложили в комод, выделив всем по ящичку, а пальто и все, что было на зиму и на будущий год, мать сложила в большой сундук. Туда же она положила туфли на каблуке, юбку и блузку, отрезки на новые шторы и на платья для Любки. А после мать попыталась освоить швейную машинку «Зингер», внимательно читая инструкцию.

Любка сидела рядом, вдруг осознав, что жизнь не у всех такая, как у них. Если пробиться в люди, то жить можно. Теперь в школу ей хотелось еще больше. Вот если бы всегда так дружно жили, то, может быть, и больной бы ее не считали. Она вдруг поймала себя на мысли, что в последние дни у нее совсем не было обиды, и не били ее, слюни изо рта текли и руки сводило, но не так заметно.

За этим занятием их и застала Нинкина мать.

Когда она ступила на порог, Любка нутром почуяла – не к добру! Но мать встретила ее, не скрывая радости, даже как будто хвасталась, как Любка, когда они ехали в телеге, а бородастый дяденька расспрашивал ее о жизни. Не то, чтобы она хотела, язык развязался сам собой. Своей радостью она не могла не поделиться. Даже про волшебников рассказала, которые подарили

ей портфель и грибы. Бородатый дяденька передумал все, что угодно, так и не поверив, что это были волшебники.

Обновы Нинкина мать пощупала, даже понюхала, определив, что пахивают нафталином.

– Списанный товар, залежалый. Нафталин пахнет.

– Нафталин – это хорошо, значит, моль не поела, – обрадовалась мать. – Позвали меня в магазин работать, – озабоченно поделилась она. – Сначала техничкой и ученицей, а потом продавцом хотят поставить.

– А что, место освободилось? – приятно удивилась Нинкина мать.

– Ну-у, – не отрывая головы от швейной машинки, промычала мать. – Галка в декрет собралась. Потом с ребенком полгода будет сидеть. А потом, может, еще кто-нибудь уйдет, девки там молодые. И в отпуск на подмену. А там, глядишь, и новый магазин откроют, его достраивают уже.

– Тина, у тебя с головой-то все в порядке? – испугалась Нинкина мать. – У них, поди, растрату на кого-то списать надо, вот и зовут! Знают ведь, что образования у тебя нет... – помрачнела она, разозлившись на продавщиц. – Ты даже не думай! – она присела рядом, будто была матери матерью. – Они всегда так делают!

– Да-а? – испуганно вскинулась мать, уставившись во все глаза на Нинкину мать. – Все может быть, то-то раньше только здоровались...

– Ну, это объяснимо! – фыркнула Нинкина мать. – Андрей ваш погуливает, частенько с Машкой видят вместе. Не иначе, племяшей твоих сиротами решила оставить, тебя обрабатывает теперь. Да только ты не поддавайся! Они там все такие, за горло схватят, не оторвешь! Ты их по себе не ровняй, они хитрые, ученые...

– Да ты что, – мать испугалась еще больше. – Ну, я навряд ли чем-то помогу, Андрей с Мотей меня за человека не считают. Мать раз в неделю попроведываю, а и то выговаривают. Может, и лучше, если разойдутся, а то брат, а дрова не попросишь, втридорога дерет, на стороне заказать дешевле.

– Что ты несешь? Грех какой на душу, – осудила Нинкина мать. – Плохо разве, что сноха твоя копеечку умеет считать? Мотя ведь бухгалтер у него, умнющая баба, а твоя семья не из образованных... Ты поосторожнее, шило на мыло не меняй, будешь потом по деревне бегать работу искать, а кто с четырьмя классами возьмет? Опозоришься! Ну не знаю, Тина, ну не знаю... – последние слова, страшно пророческим голосочком, Нинкина мать произнесла уже на пороге, вдруг сильно заторопившись. – Да как язык повернулся такое про невестку ляпнуть? И дом построили, и баню, и корова, и двоих парней родила – здоровых, не то что ты! Кто еще так хорошо в деревне живет? Накажет тебя, Тина, Бог, ой, накажет!

Любке на мгновение даже показалось, что Нинкину мать окутало то самое облако мрака, которое она видела в лесу. И испугалась, сразу засосало под ложечкой. И зачем мать с такой плохой тетенькой в детстве дружила? Когда Любка вырастет, она с Нинкой даже разговаривать не будет!

У матери настроение тоже испортилось. Она тут же накричала, что все деньги потрачены не пойми на что и жить им в долгах еще месяц. Потом вспомнила, что не привязаны в огороде овцы, и не забрали от бабушки Николку, и что снова не будет житья, потому что ей начнут тыкать, что повесила на дядю Андрея, тетю Мотю и бабушку своих выродков...

Любка спокойно потерпела, пока мать таскала ее за волосы. Платье-то купили – и не одно, а целых три! Когда пойдет в школу, мать поймет, что потратили на дело. Еще гордиться будет, как гордились Нинкой и Ленкой!

Пока собирали в садик Николку, Любка старалась не попасть матери под горячую руку. Видно невооруженным взглядом, настроение у нее поганое.

Еще бы! Вечером зашел дядя Андрей, и с ходу накричал, что не умела держать язык и за зубами распускала его перед кем ни попадя.

Оказывается, Нинкина мать уже не работала в сельсовете, а стажировалась на продавца, вникая во все премудрости и планируя выжить ту тетеньку, которая помогла им купить швейную машинку. Дядя Андрей дал матери денег, чтобы она вернула магазину долг, потому что по анонимному письму должен был приехать ОБХСС. Еще одно страшное слово Любка запомнила с первого раза. Мать, похоже, пережила два шока сразу. Первое, что Нинкина мать собиралась стать заведующей магазином, а второй, что все это случилось из-за нее.

– А как? – с окаменевшим лицом только и вымолвила она.

– Да-а, Ваську снимут скоро, – махнул рукой дядя Андрей. – В выборный список его не внесли. Новый у нас будет председатель сельсовета. А новая метла метет по-новому. Все сельсоветские ищут тепленькие места. Машка хотела по-тихому тебе помочь, а ты... дура! – снова накричал он на нее.

– И чего теперь? – расстроилась мать.

– М-да, избавиться от этой стервы не просто будет, – дядя Андрей с озабоченной задумчивостью почесал затылок. – Ну, Машка тоже не лыком шита.

– Ой, чего я натворила! – схватилась мать за голову.

– Она еще не знает, что сватья у моей бабы председатель в райпо. Фамилии-то разные! Капает на мозги каждый день, жалуется. К приезду ОБХСС подготовились. Тут все нормально, деньги только отдай.

– Вороне где-то Бог послал кусочек сыру, – подытожила мать. – Ну, какой из меня продавец? – махнула она рукой, плечи у нее опустились. – Как это люди так умеют: и плюнуть, и воды напиться? Хорошо, что не устроилась... Бегала бы, жаловались, что образования нет, а взяли... Она-то знает!

– Так учись, – обругал ее дядя Андрей. – Заочно можно, я узнавал. Не в образовании дело, голову надо иметь! С людьми языком чесать, а не с грамотным народом!

– А когда? – расстроилась мать еще больше. – Ты кучеряво устроился, одна баба бухгалтер, вторая продавец, сам при машине, так хоть бы дрова разок привез!

– Привезут... Сходи да выпиши! – недовольно бросил дядя Андрей. – Я привезу, а потом на меня ОБХСС набросится по жалобе твой подруженьки.

– Так не бесплатно! – всплеснула мать руками. – Где я денег возьму? На три месяца вперед потратила! Вам с Мотей задолжала, сам знаешь сколько!

– Чего ты стонешь? Чего стонешь? У меня своих мал мала меньше, еще мать на мне, – рассердился дядя Андрей. – И девку твою кормим, мимо не обносим. Спасибо бы сказала!

Он махнул рукой и вышел.

А Любка внезапно поняла, что ничего из того, о чем она мечтала все эти дни, уже не произойдет. Опять Нинкина мать как-то оказалась на зависть пронырливой обманым путем, а они как бы ей помогли. Но то, что Нинкина мать уже не сможет отправить ее в страшный дом на следующий год, ее порадовало.

– Любка, сходи, посмотри, сильный дождь был или нет, – послала мать. – Вдруг лучше сапоги одеть?

– Щас! – бросила Любка, босиком выскочив на улицу. Пробежала по дороге туда и обратно.

Ночью прошел дождь, дорогу размочило, но там, где были твердые накатанные колеи, уже подсохло, грязь к босым подошвам не налипала. Хотя дождь как будто собирался еще. Значит, в школу тоже лучше новые сапожки одеть.

Во всех домах свет горел.

Значит, все школьники собирались в школу.

– Сухо, но местами сыро! – живо отрапортовала она. Скрыть радость было тяжело.

– В общем, так, – мать присела, одевая Николку в новую куртку. В ней он смотрелся как космонавт в скафандре. Космонавта Любка видела по телевизору у дяди Андрея, – козу я подоила. Накормишь, выпустишь в огород. Хлеб для куриц замочила, всыплешь чашку зерна, тоже накорми. Воды наноси в бачок и ведра, постираться надо. Черпай из колодца небольшим ведерком. Огурцы собери в огуречнике, скоро заморозки ударят. И помидоры, гниют уже. Свеклу, которая побольше, выбери на еду. Стайку почисть, там неделю не убирали! Молоко у Ивановны заberi, сказала, утрешнее оставит... Корову она запускать собралась, у кого теперь молоко брать будем?

– У нас коза скоро родит! – подсказала Любка.

– Еще не скоро, месяца через три. Менять ее надо, не дойная она. Если молока нынче не будет, обменяю на мясо. К бабушке и дяде Андрею не ходи! – погрозила мать пальцем. – Опять будут жаловаться, что житья им от вас с Николкой нет. После обеда его забрать бы из садика надо, но ведь не донесешь, – тяжело вздохнула она. – Ладно, сама как-нибудь. И вот еще, травы нарви за огородом, а то овцы не наедаются, что-то уж больно худые, поди, глисты, останемся на зиму без мяса.

Когда за матерью закрылась дверь, Любка с минуту стояла в сильно расстроенных чувствах, почувствовав себя Золушкой, которую не пустили на бал. Наверное, волшебство закончилось именно в тот миг, когда приходила Нинкина мать. Жизнь вдруг резко покатила с горы. С тем, что наказала мать, и за три дня не управиться. В школу ей до слез хотелось, и скотину было жалко, без скотины зимой никуда. Сено еще не привезли, в стайке овец и козу не оставишь, а привязать и не досмотреть, опять ноги переломают. Или собака напугает, как в прошлый раз, или бодаться начнут. Мать убьет, если с ними что-то случится – шрам на спине с того раза, как коза сломала ногу, все еще можно было нащупать. Козу кое-как вылечили, но молока она с того времени почти не давала, даже Николке не хватало. И без молока тоже никуда.

«А почему бы тебе скотину не загнать в малинник? – вдруг почувствовала Любка умное слово внутри себя. – Куда она оттуда денется? Малины нет уже, а листья все равно скоро опадут. Пусть овцы их пожуют!»

Она как-то сразу прислушалась к себе.

Она точно ни о чем таком не думала, но мысль, которую не было видно, вышла наружу, как мудрое наставление, и без всякого звучания. Умного слова она напугалась до смерти, но ничего такого больше не повторилось. Теперь ей даже показалось, что сама она додумалась. И сразу почувствовал себя взрослой. На месте малинника раньше была ограда, садили на грядках всякую мелочь, а потом ограду уменьшили и поставили еще один забор, а в закутке, сотка, не больше, посадили малину, чтобы не ходить за нею далеко. Малина быстро затянула небольшой участок. Забор вокруг малинника не давал ей перекинуться на огород.

Для непривязанных овец и козы место самое то!

А куриц накормить – три минуты.

Все остальное можно сделать после школы...

Точно! Разом взбодрилась Любка, удивляясь своей мудрости – вот, значит, как люди становятся умными...

Из миски с замоченным хлебом она слила воду в кадку с мешанкой, в которой мать заваривала жидкую кашу для овец, отжала, и снова слила. Чтобы двумя ведерками перетаскать все, что было в кадке, в стайку, пришлось сбегать четыре раза. Пока овцы насыщались питьем на день, переделалась в новое платье и белый фартук, новые колготки и сапожки, причесала ежик волос. Перед тем, как Николку отправить в садик, мать два раза намазала всем голову чеме-

ричной водой, но гнид было столько, что за неделю не выдергать. Поэтому Николку побрили налысо, а ей оставили челку и короткий ежик. Вытащила из сундука тяжелый портфель.

Чтобы загнать овец и козу в загон, пришлось повозиться. Они не понимали, чего от них хотят и толпились у калитки в огород. Но она быстро сообразила взять барана за рога и отвести его так. За ним сразу же пошли овцы и коза. И даже то, что они не успели допить, можно было оставить там же, обругала себя Любка. Поднять ведро с оставшимся поилом не составило труда. После этого вынесла курицам размоченный хлеб и зерно.

Наконец, натянула курку, закинула портфель за спину и выбежала на улицу.

Никаких школьников нигде уже не было видно. Только взрослые, которые умели ходить очень быстро. Любка чуть не заплакала от досады. И сразу побежала к дому дяди Андрея. Через их огород можно было выйти на тропинку, которая вела по полю напрямки. Путь в школу сразу становился вдвое короче.

По полю с тяжелыми колосьями она бежала изо всех сил. Там тоже уже никто не шел. «Ну вот и все!» – думала Любка в ужасе, и обижалась на мать, которая не радовалась, как матери Нинки и Ленки, и на овец, которые не хотели ее слушаться, и на маленькие ведерки...

– Ты это, Любка, куда собралась? – услышала она Серезин голос, вздрогнула и обрадовалась. Значит, еще не все потеряно!

Любка оглянулась, застигнутая на месте преступления.

– В школу! – она повернулась и побежала опять.

– Тебя не возьмут, ты еще маленькая! – ехидно ухмыльнулся Сереза, наступая ей на пятки.

– А вдруг возьмут? – взмолилась Любка. Она вдруг вспомнила волшебников, развела руками. – Я же хочу учиться! Никто не может человеку запретить!

– Ну ладно, – смиловился Серезик. – Только когда тебя выгонят, не плачь! А то все узнают... что ты больная! Тогда тебя в школу точно не возьмут. От тебя люди начнут в стороны разбегаться.

Сереза скорчил рожу и закатил глаза, затрясшись всем телом, скорчил руки, выгибая пальцы, изображая ее. Любка на мгновение задумалась. А может, она уже вылечилась? Ей о болезни давно никто не напоминал. И тут же поймала себя на том, что пока она смотрела с обидой на Серезу, изо рта вытекла слюна. Пятно осталось на фартуке. «Нет, болею еще...» – расстроилась она. Но ведь она думала о себе! Если учительница поймет, что она не дурочка, чего ей бояться? И волшебники сказали то же самое.

– Я знаю! – покорно согласилась она.

Серезик снял с ее спины портфель, поправил фартук.

– А где ты так измазюкалась? – осуждающе покачал головой, прицениваясь к ее наряду. – Вся в говне!

– О-о-о! – Любка только сейчас заметила, что и фартук сбоку, и колготки, и подол платья вымазаны зеленовато-черными пятнами. – В стайке! Это я, наверное, когда присела, вот так... – показала она, изобразив себя, когда кормила куриц.

– Ну еще с дороги грязь собери! Ладно, пошли, там колонка есть...

Серезик подхватил портфель, быстрым шагом направляясь к школе. Любка поторопилась за ним. Она запыхалась, покраснелась, но терпела. Сереза шел так быстро, что приходилось бежать быстрее, чем бежала до сих пор. Но без портфеля было легче.

У колонки остановились.

Двоюродный брат, которым Любка теперь, без сомнения, гордилась, застирал ей пятна. На платье и на синих колготках они стали незаметными, и на фартуке перестали бросаться в глаза, став не коричнево-черными, а желтоватыми. Напоследок он достал из своего кармана носовой платок.

– Держи вот так! – показал он, приложив платок ко рту, а после сунув в карман фартука. Любка согласно кивнула.

И как только вошли во двор, стало ясно – почти успели! Первый звонок уже прозвенел, когда они прощались у двери. Ученики начали расходиться по классам, во дворе сразу стало пусто.

– Первоклашки там, на первом этаже, – подсказал Сережа, возвращая ей драгоценную ношу, остановившись у деревянного двухэтажного здания посередине двора.

– А ты где будешь? – на всякий случай спросила она.

– Я там, – кивнул он на другое здание, – где старшекласники. А Лешка там, – он показал рукой на здание, мимо которого они только что прошли. – Ну, давай... Пока... и это... удачи! Может, и в самом деле не выгонят, – рассмеялся он, подбадривающе ее подталкивая. – Ох и влетит тебе от мамки!

Любка заторопилась. С трудом открыла тяжелую высокую деревянную дверь.

В коридоре было пусто. Окно с одной и с другой стороны и лестница с перилами на второй этаж. И три двери, одна прямо напротив, вторая в середине, а третья у окна, в конце коридора.

Здесь даже пахло как-то по-особенному. Знаниями!

Она открыла первую дверь, заглянула, внимательно разглядывая обращенные на учительницу лица и отпрянула. На первой парте сидели Нинка и Ленка. И еще много других ребят, которых она знала.

«Не-ет, здесь меня точно выгонят!» – расстроилась Любка, испугавшись.

За дверью, что посередине, о чем-то спорили взрослые, или рассказывали, обсуждая. А дальше, еще один класс с циферкой один и буквой А. Она облегченно вздохнула – здесь знакомых не было. Значит, и ее не должны знать. Учительница в этом классе уже тоже сидела за столом. Она набрала в легкие воздуха, вошла в класс, остановившись на пороге.

– Здравствуйте! – выдохнула она.

– Здравствуй, – учительница смерила ее взглядом, нахмурилась, склонившись над журналом, провела ручкой по всему списку. – Девочка, а ты у нас кто?

– Я Любка! – представилась она, чувствуя, как предательски начинает дрожать голос и подрагивать руки.

Нет, только не сейчас! Любка выронила из рук портфель и повернулась к классу спиной, присев над ним. Потом достала из кармана носовой платок, прижимая ко рту, как учил Сережа. Руки уже снова свело судорогой.

– А какая Любка? – спокойно продолжала расспрашивать учительница. – Фамилия у этой Любки есть? И отчество?

– Ветрова, – не поворачиваясь, ответила она. – Николаевна.

Зря она, наверное, все это затеяла. Стало жарко. В одно мгновение она вспотела, и уже в который раз за утро чуть не расплакалась.

Ребята за спиной начали хихикать и перешептываться.

– Тихо! – приказала учительница. – Странно, в списке тебя нет. Ты точно в первом «А»?

– Точно! – не моргнув глазом подтвердила Любка, решив идти до конца, а дальше будь что будет. – Меня только-только должны были записать.

– Новенькая? – облегченно вздохнула учительница. – Я еще не знаю, кто у меня, два дня назад вышла из отпуска. Хорошо, Любовь Ветрова, сними курточку, повесь на вешалку и садись за свободную парту.

Любка не поверила ушам! Она напряглась – ее не выгоняют? Сердце от радости чуть не выпрыгнуло из груди. Возможно, просто еще не поняли... И вдруг почувствовала, как руки учительницы ее поднимают, подталкивая к вешалке, и берут из рук портфель.

– Люба, ты не больна? – озабочено поинтересовалась она, почувствовав негнущиеся Любкины руки.

– Нет, бежала просто!

Место Любке досталось за последней партой, все остальные были заняты. Как только она села позади всех, стало спокойнее. Видеть ее могла только учительница, которая была далеко, зато она могла рассматривать класс, ребят и учительницу сколько влезет. Класс был просторный, светлый, с высокими потолками, с длинной вешалкой на стене и двумя шкафами, с огромной коричневой доской и круглой до потолка печкой в углу, покрашенной в голубой цвет.

– У нас сегодня короткий учебный день, – учительница с указкой прошла по рядам. – Мы познакомимся, обсудим правила поведения в школе, запомним, что должен иметь при себе первоклассник, а потом пойдем на торжественную линейку. После этого вы разойдетесь по домам. Те, что живут в интернате, отправятся в столовую, а после поднимутся на второй этаж здания интерната, и вам покажут, где вы будете жить. Но завтра никто из вас не должен опоздать.

«Значит, здесь много деревенских!» – догадалась Любка.

Она знала, что при школе существует интернат, в котором живут школьники с понедельника по субботу, а вечером за ними приезжают на лошадях. Зданий интернатов было три, они с матерью часто проходили мимо них. В одном жили мальчики, в другом девочки, а в одном мальчики и девочки младших классов.

На торжественной линейке десятиклассник подарил ей цветы и еще один набор первоклассника. Так что, теперь у нее была еще одна коробочка карандашей с шестью карандашами, вдвое больше ручек и тетрадей, два альбома, две коробочки счетных палочек, еще одна резинка и линейка. Слава богу, что верхом на десятикласснике, с золотым колокольчиком с красной лентой в руке проехала не Нинка, а то мать бы завидовала Нинкиной матери еще больше. Кто не захотел бы иметь девочку, которую рассмотрела вся школа? Первому «Б» Любка старалась на глаза не попадать, прячась за спинами, но сама она очень даже интересовалась всеми своими подружками. Страх у нее прошел, теперь ее разбирало любопытство. Нинка, конечно же, подлизывалась к своей учительнице и всюду ходила с ней за руку, а Ленка поблизости.

Но потом всех повели обратно в класс. Там им рассказали о школе, об учителях, о том, что они будут проходить и чему учиться. Оказывается, все книги носить не надо было, только букварь, тетрадку и ручку. А еще математику, когда учительница попросит. И сменную обувь, которая хранилась в шкафу.

Домой Любка шла не торопясь, наслаждаясь своим счастьем. Никаких трудных задач и вопросов им не задавали. И учили всему постепенно, а не так, чтобы пришел и все-все надо знать. «Я справлюсь!» – размышляла она, оценивая свои впечатления. Теперь, наверное, той школы, в которую увозили непонравившихся и ненужных детей, можно было не бояться. Она пока только не знала, как обо всем расскажет матери.

– Вы извините, что сразу не разобрались... – оправдываясь, виновато произнесла учительница. – Пришел человек, в форме, с портфелем, с книгами... В первый день, пока их не знаешь, трудно сориентироваться.

Любка и мать сидели в учительской, в здании, в котором учился Сережа. Она училась уже две недели. И даже успела получить две четверки и пятерку. Одну по рисованию, одну за правильно сосчитанные палочки, и одну за красиво приклеенные в альбоме листья клена и малины. Про малину только она догадалась. Заработать оценку по письму пока не получалось, палочки выходили кривые, а иной раз рука так сильно начинала дрожать, что ручка оставляла глубокий ломаный след даже на парте. Пожалуй, попала бы в отстающие, если бы учительница ставила плохие оценки. А когда учительница пыталась ей помочь, руки становились деревянными.

– Ты не волнуйся, Москва тоже не сразу строилась! – успокаивала ее учительница и хвалила за те, которые были написаны, как надо.

Ну, палочки получались кривыми не у нее одной – и Любка терпеливо выводила одно и то же снова и снова. Она исписала в тетради уже пять листочков, почти половину тетрадки.

– Если уж нельзя, ладно, закрою дома, – вздохнула мать. – Что, совсем у нее не получается?

– Ну что вы! Девочка учится, старается! Никаких особых трудностей у нее нет. Разве что, когда начинает нервничать...

– Тина, чего ей дома одной сидеть? Пиши заявление, что разрешение даешь, – махнула рукой завуч. – Чтобы у нас потом проблем не было.

Мать посадили за стол директора, дали ручку и бумагу. А спустя час, забрав Николку из садика, Любка и мать шли по полю домой.

Мать долго молчала.

– Вот чего втемяшилось в голову, то и творишь! – похоже, она не знала, обругать ее или поставить поступок в заслугу. – Как же ты умудрилась-то? Кто надоумил?

Любка не ответила. Она надеялась, что мать ее похвалит, будет гордиться, но этого не произошло. Зато теперь она первоклассница на законном основании, можно не прятаться от Нинки и Ленки, и с благодарностью вспоминала волшебников. Знай они, непременно бы порадовались. Она еще несколько раз ходила к тому месту, где нашла дорогу, изучила каждый кустик, но дорога так и не появилась. И что бы ни говорили взрослые, выдумкой она волшебников не считала.

И вспоминала темный мрак, который постоянно напоминал о себе. Теперь он обязательно обнаруживала его на человеке, который был врагом, даже если хотел казаться другом – и сразу начинались неприятности. Мрак оказался хитрым и коварным, как будто знал, чего она боится. Порой он нападал даже учительницей, которой Любка из последних сил старалась понравиться. Она уже начала понимать, что и в этой, обычной школе, ей придется несладко.

Оказывается, интуитивно она и раньше его чувствовала...

Но не будешь же с кулаками бросаться на взрослого дяденьку или тетеньку, чего доброго, в тюрьму посадят! И про приступы догадались, начиная сторониться. Иногда специально дразнить, чтобы увидеть, как это происходит. Сначала о болезни разболтали по всей школе Нинка и Ленка. Как-то вдруг, в один день, вокруг стало пусто, а девочки перестали с нею разговаривать. А если она на перемене к ним подходила, смотрели с ужасом, будто она заразная. Ей стало страшно и больно, но зато она останется дома, с матерью и Николкой, и нет забора, через который не перелезешь!

Глава 11

Любка с тоской смотрела на звезды. Крупные, они равнодушно взирали на то, что творилось в подлунном мире. Два волшебника ушли, а вместе с ними все, о чем она могла мечтать. Но каждый раз, как проходил слушок, что видели волков, невольно прислушивалась, обращая внимание на все мелочи.

У нее не осталось на память даже портфеля, который кто-то изрезал бритвой.

В школе.

От воспоминаний защемило сердце, навернулась непрошенная слеза. Она уже не верила в придуманную ею сказку. И снова Любка подумала, что в жизни нет ничего, за что бы она могла держаться. Ни в школе, ни дома. Пожалуй, она уже верила матери, которая говорила, что стало бы легче, если бы не было ее. А если и не верила, как могла доказать, что это не так? Каких только обидных слов не придумывала мать, чтобы плюнуть в нее, а потом могла спокойно начать разговаривать, как будто ничего не случилось. А она в это время лишь смотрела на нее, потому что в груди не оставалось жизни – только боль и отчаяние.

Любка размазала слезы, сидеть в сугробе было холодно.

И голодно.

И с тоской подумала о том, что мать с Николкой уже, наверное, истопили печку и испекли картошку, и ждут ее, укрывшись теплым одеялом. Ей пока к ним было нельзя, свет в окне еще не погас. А значит, отчим не уснул и в любой момент может пойти их искать.

Теперь они жили в другом доме, недалеко от центра села. Переехали сразу после смерти бабушки. Она как раз пошла во второй класс. Раньше они жили на одном конце села – тот угол села еще считался самостоятельной деревней, которая однажды примкнула к центральной усадьбе, а сейчас дом стоял недалеко от центра, но тоже почти на краю. До крутых угоров, поросших соснами, где село заканчивалось, осталось шесть домов. Дом был старенький и маленький, без бани, без колодца, с покосившимися окнами и гнилыми бревнами – много хуже того, который они продали. Колодцев тут никто не копал, пользовались колонками. А бани у них и в старом доме не было, ходили к дяде Андрею, пока бабушка была жива. Но в последнее время мыться приходилось дома, между дядей Андреем и матерью пробежала кошка. А здесь баня была казенная, и близко, минут пятнадцать. Она Любке понравилась: воды навалом, и мойся хоть целый день, а еще недорого продавали веники.

Дом мать продала и теперь жалела. Говорила, что это из-за нее пришлось переехать, что будто бы она слишком часто бегала к дяде Андрею...

Даже пройти через их огород на поле, по которому ребята ходили в школу, в последнее время стало считаться, будто она уже пришла в гости. Этого понять она никак не могла. По их огороду тоже нет-нет, да ходили, но ни матери, ни ей в голову не пришло бы поставить это соседям в вину. Просто так было ближе. А то, что двоюродные братья Сережа и Леша, да и бабушка, пока была жива, ее угощали, так ведь сама ничего не брала. К тому же, она, наверное, угощала их чаще, таская из дома шаньги.

И чтобы не говорила людям мать, Любка была уверена, просто дядя Андрей потребовал вернуть долг... Но зачем же чернила ее? Теперь уже на новом месте, все так и думали, посматривая на Любку с неприязнью, будто ждали, что она обязательно начнет доставлять им неприятности. Перед людьми мать выгораживала дядю Андрея, чтобы думали, будто она живет с ним дружно. Тогда почему она продала свой дом и смогла купить только этот, который и домом-то не назовешь?

И снова жаловалась, что нет денег.

Отчим появился в доме на первое мая позапрошлого года, она как раз заканчивала третий класс, а на девятое мая переехал к ним со своими вещами.

Привела его все та же Нинкина мать, которую Любка ненавидела всю свою душу, как и Нинку. После того, как они переехали, переехала и Нинка – и теперь они жили на соседней улице в финском доме, построенном из камня. Отчим только что вернулся из тюрьмы, жить ему было негде. В тюрьму его посадили на десять лет, за убийство человека табуреткой, но вернулся на два года раньше – выпустили за хорошее поведение. Но сам он вину не признавал, жалуясь, что тот на него набросился, а он только защищался, и его оболгали.

Мать поначалу не то, чтобы обрадовалась, но как-то расцвела, все же теперь в доме был мужик. Старалась создать уют: повесила новые шторы, помыла окна и прокопченные бревна, намекая, что надо бы обить их фанерой, чтобы было теплее, и поклеить обоями, как у людей.

Отчим никогда не говорил матери ни да, ни нет, лишь раздражался...

Любка тоже первое время гордилась, теперь у нее как бы был отец. Уже год, как в школе начались неприятности, и она все еще пыталась наладить с ребятами отношения. И то, что за нее есть кому заступиться, придавало уверенности. Сначала все так и было – бить ее перестали. Раза два отчим купил им с Николкой яблоки, подшил сапоги. Конечно, пьяный отчим ее настораживал, ей было стыдно, что он пускал слюни, совсем, как она во время приступа, скалил рот и жаловался, что жизнь не удалась – но старалась не показывать вида. Во-первых, она тоже болела, а во-вторых, отца у нее никогда не было, но она видела, что многие пьяные ведут себя так же, а в-третьих, мать теперь сама попивала вместе с ним и иногда Любку хвалила, чтобы она отчиму тоже понравилась.

Но продолжалось это недолго...

Месяца через два, когда у них в доме сидело много народа – правили дом, меняя гнилые бревна, – отчим выбежал на улицу и вернулся с топором, пригрозив всем выпустить кишки. Кто-то вырвал у него топор и бросил, а после люди разбежались кто куда. Любка в это время как раз мыла в ограде посуду. Мать начала его успокаивать. Сначала он вроде бы успокоился, а потом схватил ее и начал бить, повалив на землю и пиная ногами. Мать не могла даже вскрикнуть, только охала и хрипела.

И она набросилась на него сзади, намертво вцепившись в ноги. Мать отчим пинать перестал, вышибая дух теперь уже из нее – но Любка ничего не чувствовала, тело снова было не ее.

А потом начал искать брошенный топор, волоча ее за собой за платье...

Пока он шарился в траве, мать успела подняться на ноги. Прихрамывая, бросилась бежать.

Заметив, что мать далеко, Любка со всей силы вцепилась зубами в руку отчима, прокусив до крови. Он на мгновение взвыл, выпустив ее и прижав руку к себе. Бегала она быстро, в школе никто не мог ее обогнать, кроме мальчиков и девочек из старших классов – она догнала мать на повороте и обернулась – отчим за ними не погнался, остановившись у калитки.

Первым делом забежали к Нинкиной матери, которая в это время стряпала пирожки...

В новом доме у Нинки комнат было много, целых три. Теперь, когда она работала в магазине, который стоял в самом центре села, а ее новый муж бригадиром на ферме, жили они так богато, как больше никто, наверное, не жил, кроме председателя сельсовета и начальников колхоза, которые тоже получили по кирпичному дому на этой улице, построенных для них. У Нинки были самые красивые платья, игрушки и вещи. В большой комнате стоял цветной, а не черно-белый телевизор «Рекорд» – и огромный. Вкусно пахло хлебом. Во дворе стояла машина «москвич», на котором их семья ездила в район и за вениками, а порой довозили Нинку до школы. Им даже телефон провели.

– Тина, зачем ты будешь в милицию звонить? – испугалась Нинкина мать, загоразивая собой телефон. – Вон, какая пьяная! Сама-то лучше? Чего люди о тебе подумают? С ума не сходи! Приревновал, наверное. Ты с мужиком не жила... Хвостом при муже не крутят. Ну,

если ревнует, значит, любит, – она успокоилась, вдруг перейдя на поучительный тон. – Вот увидишь, проспится, будет ноги целовать!

Мать сразу сникла, сильно ссутулившись и состарившись.

Глаза у нее и правда были какими-то неживыми, а движения заторможенными. Но пьяной мать не была, Любка это знала точно – за стол только-только сели. Пьяным был отчим, он спрятал бутылку водки в стайке, а когда заходил туда будто бы по делам, наливал себе по пол стакана и выпивал. Бутылку Любка нашла, когда ходила кормить овец. Когда дом править закончили, она была уже пустая.

Любка потрясла мать за плечо, но она не проснулась, будто и в самом деле была пьяная. Нинкина мать покачала головой, бросила в углу на пол фуфайки, перетащила мать и отправилась стряпать пирожки дальше. И даже угостила двумя пирожками. Но Любка встревожилась. Она видела, как отчим пинал и месил мать руками, ударяя кулаком в живот и по голове. Как тесто. И понимала, что он мог ее покалечить.

А ночью, после того как она сходила за Николкой, который играл с соседскими девчонками, Любка заснула и ей приснился страшный сон. Словно кто-то схватил за горло и сжал его. Она хотела вздохнуть, но воздуха не было, стало вдруг темно, будто провалилась во тьму, и чем больше она пыталась выбраться, тем глубже ее засасывало.

Она уже подумала, что умирает, когда вдруг глаза открылись – и сразу вздохнула свободно, как будто не было страшного сна...

А на первое сентября, когда она пошла в четвертый класс, о том, что они не спали дома, в школе знали все. И как пьяная мать, шатаясь и вопя, бежала по улице, сверкая панталонами, и как Любкин отчим свистел ей в след, и как улепetyвала сама Любка впереди матери от нового отца, который не собирался их защищать. И как выгнали их все, к кому они просились, и как ночевали на фуфайках, в которых от навоза чистят стайку, потому что в другое место положить ни мать, ни Любку было нельзя, а еще, что обе они переблевались и обоссались...

Посмотреть и посмеяться приходили даже из пятых и шестых классов. Любку дергали за волосы и предлагали показать, как она бежала.

Об одноклассниках говорить не приходилось. Такая новость была им как праздник. И без причины норовили стукнуть из-за спины, чтобы покрасоваться перед Ингой... – еще одна Нинка...

В школе Любку не любили, и это началось в конце второго класса, когда в класс пришла Инга. Ее Любка теперь ненавидела точно так же, как Нинку, с которой Инга сразу же подружилась, поднимая в глазах всего класса. Родители ее были учителями, а отец еще воспитателем в интернате.

До этого к Любке относились обычно, как ко всем...

Она приехала из далекого города. Как учителям, неподалеку от школы, в двухэтажном здании в самом центре села им сразу дали огромную квартиру с тремя комнатами. Вещи, которые они привезли с собой, многим казались невообразимой роскошью. Две стенки, буфет, трюмо, круглый стол на гнутых ножках. Ладно хоть машины своей не было, как у Нинки.

Инга была красивая, не признать этого у Любки не получилось.

С волнистыми огненно-медными волосами, заплетенными в толстую косу. С огромными голубыми глазами. Худенькая, но изящная. И умница. Училась она хорошо. И одевалась, не как все, одежду на вырост ей никто не покупал. Платья и юбочки были короткими, так что всегда можно было видеть коленки. И колготки не из хлопка, когда коленки вытягиваются после первой стирки – и белые, и сиреневые, и желтые с бабочками. Спортивный костюм специальный, с красивой молнией вместо пуговиц. Свое светлое коричневое платье она одевала редко, только по праздникам, когда просили прийти в белом фартуке. В другое время ходила

в юбке или шерстяных сарафанах поверх красивых шелковых блузок, украшая себя не только пионерским галстуком, который выглядел как повязка, но и такими, которые носили мужчины – и синий, и черный, и с вышивкой. И сапоги не сапоги. Такие даже Нинкина мать не смогла достать – темно-зеленые, с сиреневыми и розоватыми мазками. Не то что у других, когда на два размера больше, чтобы по распутице можно было одеть с шерстяным носком.

С Ингой у Любки отношения не сложились сразу. С первого дня. Когда Любка вспоминала об этом, то, наверное, винила себя, а не Ингу. Но перегибать палку все же не стоило.

Ингу посадили с нею, других свободных парт не было. Любка восприняла ее с воодушевлением и восхищением, стараясь подсмотреть, как она пишет. Паста у Инги была не синяя, а светло сиреневая. А сама ручка, словно сделанная по заказу из цветного стекла.

Но ненадолго...

Инга вдруг уставилась на нее и закричала в ужасе, отскочив.

Оказывается, всего ничего – на лоб выползла вша.

Николка принес их из садика, а чемеричной воды в аптеке как раз не продавали. Привозили ее редко, она считалась страшным дефицитом. Так пока и жили, стараясь вычесать вшей частым гребнем. Но волосы у Любки были густые, непослушные и кудрявые, нередко за ночь закатываясь в войлок – не иначе, домового ее тоже невзлюбил – и вши плодились с немыслимой скоростью. Никто дома внимания на это не обращал. Мать столько расчесок извела на ее голову, что, в конце концов, просто плюнула, дожидаясь, когда привезут отраву.

И такой начался переполох!

Первым делом, поставили в конце дополнительную парту. И грозно пересадили Любку на ту самую парту, освободив для Инги ту, которая стояла в середине ряда. Села она за нее только после того, как Любка помыла парту с содой. Учительница сама принесла ведро и тряпку, и все время, пока она мыла, стояла над нею, рассказывая ребятам, как вши могут прыгать на два метра и переползать с человека на человека, и что они вызывают страшную болезнь, которая называется «брюшной тиф».

Потом проверили на вшивость остальных.

Вши были у всех, но почему-то об этом никто не вспомнил, даже пришлось вызвать врача, который намазал всем головы серной мазью, боязнь вызывали лишь ее насекомые.

С того самого дня Любка разошлась со всем классом, обнаружив, что никто с нею не разговаривает, и даже стараются обходить стороной. Теперь все смотрели Инге в рот, что бы она ни сказала – и старались как можно хуже отозваться о Любке.

И не удивительно! Все же дружба с Ингой давала несомненные преимущества. Во-первых, игрушки, ни у кого таких не было – несколько кукол с волосами и закрывающимися глазами и плюшевый мишка, которые она приносила в школу. Игрушки значительно повысили ее рейтинг. Во-вторых, в интернате, тем, кто дружил с Ингой, разрешали смотреть телевизор в кабинете воспитателей. В-третьих, позволялось ходить с нею на индийское кино на детский сеанс. Так что дружить с ней старались не только в классе, но и в школе, особенно интернатские.

А про Нинку из второго Б и говорить не приходилось, теперь они дружили мамами...

В отместку Любка плюнула на домашние задания и на учительницу, которую с того самого дня, как она сунула ей в руки тряпку, будто она была заразная, перестала уважать. Она не только не делала уроки, но и не торопилась отвечать. И когда та злобно шипела и выгоняла из класса, только радовалась. Уж чего-чего, а видеть их всех Любке хотелось меньше всего.

Заметив, что она не делает уроки, Инга, которую уже через неделю выбрали старостой, развила бурную деятельность, предложив классу взять над нею шефство. Шефство доверили интернатским, которые на Ингу буквально молились, тем самым еще больше раздражая Любку.

После уроков ее хватали и тащили в интернат, усаживали за стол и, пока смотрели телевизор, велели делать уроки, приставляя дерущуюся охрану.

Или пытались причесать, как будто она была им куклой...

Ну, не сказать, чтобы было уж очень плохо. Ее даже иногда подкармливали котлетой.

Но Любка никогда не следовала правилам, которые ей диктуют, а уж тем более не продавалась за пирожок. Она не считала одноклассников умнее – выучить стихотворение или таблицу умножения за то время, пока отвечают другие, мог не каждый. Хуже, теперь уроки перестали делать другие, которым из-за нее на уроки не хватало времени. Или делали те же ошибки, которые она им подсказывала.

До конфликта у нее часто брали списывать. Училась она, чуть-чуть не дотягивая до отличницы. Но из-за того, что ее держали в интернате, мать несколько раз ее избила, когда она не смогла вовремя забрать из садика Николку. О том, что происходит в школе, Любка матери не говорила, чтобы не расстраивать ее. Раз пять портфель в одиночестве ночевал в интернате, когда Любка смогла улизнуть от надзирателей, обвинив их, что уроки не сделаны именно по этой самой причине.

В общем, вскоре шефство учительница приказала отменить. На всякий случай ей объявлен был бойкот, но потом отменили и его, потому что дружить с Любкой и раньше не дружили, а не замечать ее, значить упустить возможность показать себя, тем более, что так она могла не появляться на общественных мероприятиях, без зазрения совести отправляясь смотреть телевизор и читать книги в сельскую библиотеку.

С тех пор так и повелось. Чтобы вызвать к себе интерес, старались позабавить остальных, избивая ее. Инга руки о Любку не марала – она считала себя очень воспитанной, но благосклонно относилась к избивающим ее.

Даже слишком воспитанной...

Однажды, когда она училась в четвертом классе, в квартире у учительницы, которая приглашала Любку в гости, даже не обратив на это внимания, Любка взяла ножницы и, поставив острием к низу, повертела вокруг оси. Мать Инги и Инга в это время тоже сидели за столом – они, как и Любка, часто заходили в гости к Алле Игнатьевне. Любка в их присутствии чувствовала себя неловко, делать ей было нечего, мать Инги и сама Инга старалась сделать вид, что ее как бы не существует. И когда Инга вскрикнула, ткнув в нее пальцем, чем немало напугала Любку, обе учительницы повернулись к ней.

На ножницы Любка не давила, цель порезать клеенку или проткнуть ее перед собой не ставила, на клеенке не осталась ни царапины. Но на утро об этом опять знала вся школа – и в «А» классе, и в «Б». И даже в учительской говорили только об этом, сочувствуя Алле Игнатьевне, которая в оправдание тужилась что-то сказать и краснела, а потом тихо учила ее больше так не делать. А Любка ужасно нервничала и переживала, внезапно убедившись, что каждое ее движение под прицелом – и пусть даже никто не обращал на нее внимания, внимание на нее обращали все!

Наверное, только Инга могла объявить Любку врагом по такому пустяку...

А потом появился трижды второгодник Васька – и война началась самая настоящая.

Он не дергал за волосы, как другие, не показывал язык, не взрывал под ухом шаррики, чтобы звенело, а бил по-настоящему, нападая внезапно и со спины, ударяя портфелем или пиная под зад. И когда его никто не остановил, наоборот, приятно расположились – и он вдруг стал всеобщим любимцем, вышел из Васьки зверь, превратив ее жизнь в тихий ужас.

Житья совсем не стало, ни в школе, ни дома.

Но беда не ходит одна. Вслед за тем в школу приехала практикантка, которая теперь вела уроки математики вместо Аллы Игнатьевны...

Алла Игнатьевна Любку понимала и частенько приглашала к себе, доверяя ей проверять тетради с домашним заданием. В школе любимая учительница ее не выделяла, спрашивала строже, чем с остальных, но, когда оставались наедине, часто рассказывала, что так не везде и не всегда. Потом обычно стряпали пельмени или топили баню, в которой она кутала ее в огромное душистое махровое розовое полотенце, или заворачивались в одеяло и просто слушали тишину, сидя на крыльце, любуясь луной и звездами. В такие минуты Любка забывала обо всех своих невзгодах.

Но недавно она вышла замуж и должна была уехать очень далеко, в Мурманск. А у практикантки сразу появились любимчики – та самая Инга, от матери которой – а она была в последнее время завучем, зависело, оставят ее работать в школе или ей придется отправиться в другую школу, в которой учеников было так мало, что несколько классов учились в одном. И Нинка, мать которой привезла для нее недорогую каракулевую шубу.

Все это она узнала от Аллы Игнатьевны, которая уже упаковывала чемоданы, и огорчилась, что Любка теперь останется совсем одна, и радовалась, что наконец-то уезжает, потому что даже чихнуть, ей, привыкшей жить в городе свободолобиво, нельзя незамечено.

– Плюнь, Любка, на все – и учись. Твоя жизнь только началась. Ты грамотнее их всех. Поверь, никто не знает, кто такой Шкловский, – тяжело вздохнула она. – И вряд ли Геотрина Елизаровна, которая преподает тебе литературу, хоть раз прочитала Гете. А жаль...

Посидели, перебрали вещи, которые учительница подарила на память. Потом Любка проводила ее до автобуса.

И как только автобус скрылся из виду, Любка поняла, что жизнь закончилась.

Практикантка еще при любимой учительнице развернула бурную деятельность, организовав отряд добровольцев, в который попали все ее любимчики. Еще не стемнело, последний автобус на станцию в район уходил лишь в семь, а отряд тут как тут. Подошел к Любке и сообщил, что никто из учеников не имеет права находиться на улице после девяти, предупредив, но как будто потребовав, чтобы она убиралась с улицы, пока ее не выставили из школы, как злостную нарушительницу.

В тот самый детский дом, в котором учились все те, кому среди нормальных ребят было не место...

Что плохого сделала Любка практикантке, она не знала, но та все время старалась выделить ее своим пренебрежением, и при этом неизменно улыбалась. И когда ставила за хороший ответ заниженную оценку, словно бы подчеркивая, что Алла Игнатьевна, которая учила Любку необыкновенному счету, когда без столбика сразу получают ответ, ничему ее не научила. И когда она поднимала руку, словно бы не замечала. А когда проходила мимо, толкала ее плечом, и выставляла так, что это Любка на нее налетела. Потом, на собрании, рассказывала Геотрине Елизаровне обо всех, сочувственно морщась, когда речь заходила о Любке.

Какая она после этого учительница, думала Любка, пока с тяжелым сердцем шла домой. Пригрозила, что проверит домашнее задание, но промолчала, когда парень из ее отряда ударил ее, а второй сорвал шапку и бросил в снег, потоптавшись на ней. И когда девочки смеялись, улыбнулась и, вместо того, чтобы остановить, взяла за плечо и пожурела, что мол, не надо выяснять отношения на глазах у людей, и лучше это сделать, когда рядом никого не будет.

Получается, что она как бы благословила его...

А ударь-ка она, ее сразу бы разоблачили, как малолетнюю преступницу.

Теперь в школе у нее был еще один враг.

А дома вот, металась испуганная мать, собирая Николку, чтобы переночевать в доме быта. Пьяный отчим вот-вот должен был вернуться с работы. Любка и мать столько раз убегали из-под топора через окна и через двери, что теперь уже не ждали, когда придет беда.

В двухэтажном здании, в котором располагались почта, радиоузел и дом быта, в отдельной камерке на втором этаже, где работали мастера по бытовой технике из райцентра, хранили

теплое одеяло и одежду, чтобы постелить на пол. Там было безопасно, через окно не залезешь, метра четыре. И дверь в дом быта была крепкая. Одно плохо, пьяный отчим мог вышибить ее, если бы догадался, что они там прячутся.

Оттого, что в школе кто-то узнает про ее жизнь, волосы вставали дыбом. Да и матери пришлось бы несладко, узнай кто, что они живут в доме быта, в котором хранились материальные ценности. Любка понимала, если мать уволят, прятаться им будет негде. Несколько раз просились к людям, но потом сильно об этом жалели – отчим приходил так быстро, будто за ним специально посылали. В то, что им кто-то поможет, они уже не верили, милиция лишь разводила руками, когда мать вызывала их. Нужны были синяки, а синяков отчим не оставлял, выламывая руки и ударяя обычно под дых, а после сразу хватался за топор или нож. Через пятнадцать суток в КПЗ, куда его сажали за пьянство, становился еще злее. Спасало их чудо – иначе не объяснить. То споткнется, то зацепится топором за трубу буржуйки, то успеют выставить окно, то на улице пилят ручной пилой дрова или возятся в снегу с Николкой...

И Любка закрывала дом быта на железные засовы, вешая амбарный замок, как будто там никого не было, дожидаясь, пока отчим заснет.

А он иногда не спал до утра, приходил, дергая замки, или бродил по улице с железной заточенной тростью, выпрашивая, не видел ли кто мать, и где она может быть.

Самой Любке пойти было некуда...

Раньше она еще могла погреться в библиотеке, которая работала до девяти часов – там Любка иногда смотрела мультфильмы по черно-белому телевизору «Рассвет» или подряд читала все книжки. На уроках ей уже давно было скучно, она прочитывала учебники за день или два. Домашние задания она не учила, но отвечала хорошо, усредненной тройки ей хватало за глаза. И на второй год ставить, или отправить в страшный дом, про который нет-нет, да и поминали, вроде бы не за что. Книг в библиотеке было много, больше тридцати тысяч. Книги собирали еще инвалиды, среди которых были и писатели, и ученые, и бывшие политические ссыльные. Толк в книгах они понимали. Библиотека считалась одной из лучших в районе, книжки у них иногда даже заказывали из других городов. Собрания сочинений Марка Твена, Вальтера Скотта, Дюма, Лопе де Вега, о которых никто в классе даже не слышал, и еще много-много других писателей, которые удивляли Любку. Мир, в котором она жила вдруг исчезал, покрываясь темной пеленой, а тот, другой, в который она не могла войти, вдруг открывал свои двери – и Любка плакала и смеялась, и радовалась и мечтала вместе с необыкновенными и необычайно похожими на нее героями. Самую толстую книжку она могла прочитать за ночь, пока мать не начинала кричать под ухом и бить по голове.

Но после введения новых школьных правил, библиотека стала закрываться в семь. Теперь она слонялась по улице, прячась от людей в сугробах.

Глава 12

Свет в окне погас. Любка вздрогнула, насторожившись. Теперь или выйдет, или ляжет спать. Если выйдет, то можно будет забрать учебники и школьную форму, а если нет, то завтра придется идти в школу, в чем смогли убежать – в старой рваной кофте и дырявом трико.

Ну да ладно, ей не в первой.

Минут через десять она обрадовалась. Из дому никто не вышел. Пожалуй, теперь можно будет согреться и попить горячего чаю с печеной картошкой.

Она вылезла из сугроба на дорогу, разминая ноги, бросилась к дому быта. На перекрестке свернула. Оставалось совсем чуть-чуть, пройти мимо нового детского сада, свернуть еще раз возле забора. Здание стояло чуть в стороне от дороги, напротив столовой, давая начало переулку, который заканчивался у подстанции.

На входном крыльце, Любка вдруг почувствовала тревогу...

Она оглянулась, вроде бы чисто. Но словно кто-то попридержал ее...

И обмерла, облившись холодным ужасом... Отчим вышел из-за угла на свет фонаря, направляясь к дому быта.

Как обычно в сильном волнении, руки у нее затряслись, ноги сделались ватными. Она бросилась к двери в радиоузел, дернув ее на себя. Дверь не открылась.

Значит, монтеры уже ушли и теперь придут только утром...

Спрятаться было негде, разве что заскочить к матери и закрыться с той стороны. Нижние двери не закрывались, здесь не было ни засова, ни крючка, и даже в снегопад их держали открытыми, чтобы люди видели, что или почта, или дом быта работают.

Любка вбежала на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице, пытаясь нащупать в кармане ключ. Как назло, он провалился в дырку, и теперь был где-то был в подоле пальто. Отсчитывая последние минуты своей жизни, понимая, что достать ключ она уже не успеет, она в отчаянии молча взвыла, примериваясь к высоте лестницы.

Если спрыгнуть через перила на первый этаж?

Здесь было высоко, лестница крутая... Не удержаться... А если подвернется нога, убежать она не сможет.

– Любка, ты? – услышала она шепот через дверь.

– Мама, он тут! – в отчаянии выкрикнула она полусшепотом. – Молчи!

– Быстрее! Уходи! Выдашь нас! – испуганно вскрикнула мать и умолкла.

Наверное, она не поняла, что тут – это уже рядом, или побежала собирать Николку.

Любка оглянулась. Чердак закрыт на замок. Оставалась каморка под лестницей. Она была маленькой и узкой, а дверца и того меньше. Мать хранила здесь веники и лопаты, а еще бумагу, которую ей отдавали с почты, чтобы расстилала ее в сильную грязь. Была зима, бумаги накопилось много. Газеты, журналы, почтовые бумажные мешки.

Она живо залезла внутрь. Палец у нее был тонкий, вертушка поддалась легко, задвинула ее с той стороны и зарылась под старые газеты, забившись в угол, который примыкал к мосту, подогнув под себя колени.

И сразу же услышала шаги на первом этаже...

Пьяный отчим, пошатываясь, поднялся по лестнице, остановился у замка, подергал на себя засов. Включил на мосту свет и нецензурно выругался. Потом несколько раз с размаху всадил заточенную железную трость в деревянную дверь.

Дверь выдержала, делали ее на совесть...

Что-то пробурчал про себя, а потом открыл дверь в каморку.

Свет в каморку светил не прямо, а только сквозь щели, лампочка была чуть в стороне. Но когда дверь отрылась, глазам стало больно. Любка заледенела, по телу прокатился животный

ужас – в голове стало холодно и пусто. Ее как будто не стало, только сердце, которое билось гулко, отдаваясь ударами в висок, как будто хотело выдать ее. Секунды длились вечность.

Любка перестала дышать, прислушиваясь.

Отчим вдруг с силой ударил тростью в бумагу, проткнув насквозь. Достал и снова воткнул. Любка почувствовала, что не может ни пошевелиться, ни закричать. Железная трость задела голенище валенка, пригвоздив его к полу.

Еще раз трость воткнулась между ног...

Любка смотрела на нее широко открытыми глазами. Сила удара была нечеловеческая, трость прошла годовую связку газет, будто подтаявшее масло, вошла глубоко в дерево половицы...

Отчим снова выругался, выдернув трость, снял с нее наколотую бумагу.

После этого как будто успокоился, работая теперь тростью, как щупом. Зацепив придавленную ногу, попытался скovyрнуть, слегка наклонившись. Заметив упавшие и застрявшие березовые метелки для снега, передумал рыться руками, придавил бумагу в том месте несколько раз, успокоившись, когда нащупал еще одну стопку газет, зажатую между ног.

Пробормотав несколько неразборчивых слов, словно с кем-то разговаривал, постоял в раздумье, и, наконец, прикрыл дверцу.

Любка закрыла глаза. Сквозь веки она почувствовала, что отчим выключил свет, а потом спустился по лестнице и остановился, тихо возвращаясь. Слух обострился настолько, что она услышала скрип коленного сустава и тихое шарканье подошвы. Второй раз он поднимался не посередине лестницы, а с самого края, там, где половица упиралась на деревянную основу.

И снова остановился, замерев. Любка заметила его тень через щель...

Хитрый, осторожный, как будто им кто-то управляет...

И сразу же вспомнила, как пришла к ней мысль отравить его бледными поганками, которые росли в лесу...

О том, что они сильно ядовитые и смерть наступает через несколько часов, она узнала из книг. Дня три она ходила в сильном возбуждении, понимая, что поганки до лета не достать. И почти сразу после этого отчим стал бояться приготовленной еды, заставляя сначала попробовать их с матерью, и только потом ел сам. Словно прочитал ее мысли. Теперь он всегда имел в запасе в рыбацкой сумке, которую всегда таскал с собой, консервы, хлеб. Не опробованная ими в его присутствии еда оставалась нетронутой, плесневевая, даже если дома их не было неделю или больше.

И сразу стал прятать опасную бритву, после того, как Любка мысленно примерилась во сне перерезать ему горло. Обычным ножом могла и не справиться. Отчим был высокий, жилистый, мать едва доставала ему до груди. Но миссия оказалась невыполнимой. Трезвый он спал теперь чутко, сразу просыпаясь, если Любка вставала попить воды или сходить в туалет. Запой теперь у него бывали подолгу и частые, дома они уже, можно сказать, уже и не жили, но, зверел сразу, с первой рюмки, с ног никогда не валился, оставаясь в памяти, а если ложился спать, то закрывался на все запоры.

И все это с какой-то необъяснимой силой и интуицией...

Ножи и топоры прятали, но он их всегда находил в любом месте, будь то дома или на улице. И резал скотину, которая попадалась под руку, размазывая кровь по стенам. В доме уже давно не держали ни овец, ни коз, ни куриц. Разве что кошки, которые сами находили к ним дорогу, чтобы умереть.

Отмывая стены, мать теперь тоже не плакала, слезы и у нее давно высохли – и зверела, выдавливая на Любку всю свою боль, разве что не хваталась за нож или топор сама.

Но, наверное, Любка не умела обижаться. Она или любила, прощая, или ненавидела, обрывая нити, которые связывали ее с человеком. Матери было тяжело поднять двоих. Она

чувствовала ее боль, как свою. И жалела. Выжить они могли, лишь объединившись в одну стаю. И понимала, что никогда этого не будет. Она могла ее тут же избить, забыв о том, что пять минут назад пилили вместе собранные на дрова доски и сучья. Она никогда не вспоминала, что воду Любка носит большими ведрами, как взрослая, и сидит по ночам в снегу, чтобы спасти их с Николкой, и сколько раз она рисковала собой, чтобы дать им с Николкой время убежать из-под топора...

А во сне ей снилось, что подходит к спящему отчиму и втыкает нож в грудь много-много раз, или он резал их, разбрасывая конечности и головы по залитому кровью пространству. В последнее время Любка даже не просыпалась в холодном поту, досматривая сны до конца.

А другие сны давно не снились! Кровь, мясо и ненависть стали ее повседневной жизнью...

И, возможно, она бы исполнила задумку – но где-то в подсознании вставал страх, что ее увезут в тюрьму и жизнь после этого уже не наладится. Жалость к матери и Николке, к себе самой, еще не исполнившей ни одну свою мечту, не поборовшей ни одного врага, останавливала ее, заставляя биться сердце быстрее.

Или ей только так казалось?..

Страх чуть отступил, теперь он был где-то в шее. Наверное, у нее появилось преимущество. Отчим не знал наверняка, что она тут, тогда как она видела его и слышала. Наконец, он вышел. Шаги прозвучали уверенно скрипом сапогов на выходе, где надуло много снега.

Неужели ее молчаливый крик достиг ушей Бога?

Но выходить она не торопилась. Знала, мать или стоит у двери, или прилипла к окну и позовет, когда убедится, что он ушел. Но зато теперь Любка смогла чуть-чуть пошевелиться, засунув руки в карманы и перебирая затекшими и онемевшими пальцами ног в валенках. Валенки было жалко, тоже дефицит. Но, может, можно будет положить заплатку. Догадается, что сам же проткнул. Достала из подола ключ, нащупав его и подтянув к карману.

– Любка! Любка! – позвала ее мать чуть громче. – Проверить надо, куда он пошел?

– Я знаю! – в сердцах бросила Любка, на всякий случай, спрятав ключ под бумагами в каморке. Ей вдруг пришло в голову, если он ее поймает и найдет у нее ключ, открыть дверь в комнатушку мастеров ему не составит труда.

Глава 13

На этот раз Любка не стала рисковать, обойдя дом быта и пробираясь к дому заметенными прямыми тропинками по переулкам. Ее разобрала досада, хотелось спать, она была разбита и почти не чувствовала себя, то и дело проваливаясь в сугроб.

Когда она оказалась возле дома, отчим был лишь у перекрестка. Возможно, караулил, не выедет ли кто. Но у самой двери под навесом было темно, на свет она не выходила, когда пролезла под перилами вдоль стены, пробираясь к тропинке.

У Любки мелькнула шальная мысль.

Она быстро забежала в дом, ощупью, фонарь на улице давал достаточно света, схватила портфель и платье, бросила в сумку булку хлеба и выскочила, заперев дверь на замок. Потом обогнула дом и забежала в соседскую ограду, спрятавшись за сараем.

Любка дорожила хлебом, но не накормить соседского Шарика, которого кормили так же редко, как и ее, не могла, поделив булку заочеченными руками надвое. Наверное, она одна его и кормила, иногда спуская с цепи, за что за нею с палкой гонялся уже сосед. Шарик считался охотничьей лайкой, и сосед его специально морил голодом, чтобы тот вывел его на зверя. Но Любка любила и Шарика, который к ней привязался, и зверей.

Заслышав скрип снега под шагами на дороге, Любка легла в снег, немного испугавшись, что разбуженная и радостно повизгивающая собака, облизывающая лицо, выдаст ее, но отчим прошел мимо, лишь на минуту другую задержавшись возле дома.

Любка удивилась, встревожившись. Неужели решил вернуться в дом быта той дорогой, которой пришла она? Она не сомневалась, мать выдаст себя, как только слышит шаги. С этой стороны к зданию почты и дома быта он подобраться мог незаметно, если не смотреть в другое окно, из комнаты, в которой стояли столы со швейными машинками.

Может быть, на это и рассчитывал?

План пришел как-то сам собой. Путь по тропинкам по переулку был много короче. Даже если побежит бегом, вряд ли успеет, если он пойдет быстро. Но если идти следом, а потом свернуть во дворы, по которым ходили два монтера и работница почты, которая жила напротив Нинкиного дома, и выйти туда, где хранились дрова, можно попробовать кинуть снегом в окно. Мать бы сразу догадалась, что по лестнице поднимается не она. Пожалуй, хоть здание высокое, снежок до окна второго этажа она уже добросит – гранату тоже дальше всех кидала.

Любка выбралась из своего укрытия, вернулась к своему дому, убедившись, что отчим скрылся, пробежала вперед, сократив между ними расстояние до пределов видимости, потом позволила ему завернуть и снова догнала, на этот раз быстрее, и чуть не выдала себя, вовремя остановившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.